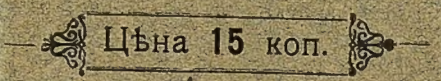
Книгоиздательство Е. Д. Мягкова „КОЛОКОЛЪ“

Орловъ.

Новое ученіе о государствѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Орловъ.

Новое ученіе о государствѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Т-ва „Народная Польза" Кол. ул., соб. д., № 39
1906.

Ученіе о государствѣ

(Государство прошлаго, настоящаго и будущаго).

ВВЕДЕНІЕ.

Что такое государство, откуда оно возникло, кому, чьимъ интересамъ оно служитъ и чьимъ интересамъ оно должно на самомъ дѣлѣ служить? многіе ли задавались и задаются этими вопросами изъ среды трудящихся, народныхъ массъ? Едва ли... И еще менѣе, если эти вопросы иногда и возникали въ головѣ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ лицъ изъ народной массы,—эти лица могли правильно отвѣтить самимъ себѣ на всѣ эти вопросы. А правильный отвѣтъ на нихъ, разумное ихъ пониманіе крайне важно не только въ смыслѣ знанія человѣческой жизни, не только для людей науки, но важно, ибо очень полезно прямо практически, и прежде всего трудящимся массамъ, т.-е. самымъ многочисленнымъ слоямъ и классамъ народа, составляющаго государство. Эти трудящіяся массы, наиболѣе многочисленныя, болѣе всѣхъ работающія для государства, отдавая этому послѣднему огромную половину своего тяжелаго труда, очевидное дѣло, болѣе всѣхъ заинтересованы въ томъ, чтобы государство служило прежде всего трудящимся массамъ народа, прежде всего удовлетворяло бы ихъ насущныя и неотложныя нужды. Если же этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ, если государство организовано для обслуживанія интересамъ не всего народа, а лишь отдѣльныхъ, крайне немногочисленныхъ, но богатыхъ и властвующихъ надъ всею народною массою классовъ,—то надо, по крайней мѣрѣ, знать это, отдать себѣ въ

этомъ фактѣ ясный отчетъ. А разъ станетъ извѣстно, что государство служитъ не тому, кому должно бы служить, что оно не удовлетворяетъ, какъ говорятъ, своему истинному и справедливому назначенію,—легче будетъ тогда и бороться съ этими недостатками въ государственномъ устройствѣ, легче будетъ и исправить ихъ. Не пустая это поговорка, что «знаніе—сила». И знаніе тѣмъ большая сила, чѣмъ шире и больше оно распространено въ слояхъ народныхъ массъ, неимущихъ, обездоленныхъ современнымъ государственнымъ устройствомъ трудящихся классовъ населенія. Предлагаемая книга и имѣетъ цѣлью, насколько это возможно, выяснить, что такое государство вообще, какъ оно возникло, кому оно служило, кому оно служитъ, каковы всѣ недостатки нынѣшняго государственнаго устройства во всѣхъ европейскихъ странахъ, и какимъ оно должно по справедливости стать въ будущемъ, и какимъ оно неизбѣжно (въ силу принужденія со стороны самой, развивающейся, впередъ идущей жизни) станетъ въ будущемъ *).

---

*) При этомъ главнымъ руководствомъ или путеводной нитью служила книга одного буржуазнаго ученаго А. Менгера «Новое ученіе о государствѣ», гдѣ высказаны хотя уже извѣстныя, но крайне любопытныя и знаменательныя для буржуазнаго ученаго и его среды взгляды. Объ этой книгѣ будетъ сказано нѣсколько словъ въ концѣ.

ГЛАВА I.

Государство въ прошломъ.

Прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ, что такое государство вообще, полезно будетъ обратиться къ прошлому европейскихъ странъ и народовъ,—и уже изъ разсмотрѣнія этого прошлаго, а затѣмъ и настоящаго положенія въ государственномъ устройствѣ европейскихъ (да и иныхъ странъ) народовъ — у насъ самъ собою получится отвѣтъ на поставленный вначалѣ вопросъ. Было время, когда государства съ его верховной властью, чиновниками, судами, войсками и полиціей, съ его законами, принуждающими подчиняться имъ многомилліонныя массы народа, не было совсѣмъ. Существовали отдѣльные роды, имѣвшіе во главѣ отца семейства, патріарха, около котораго группировались и жили вмѣстѣ его сыновья съ женами, взятыми изъ другихъ родовъ, сыновья сыновей его также съ женами и т. д. Роды эти объединялись съ другими, родственными по языку, мѣсту жительства и проч., въ союзы родовъ, которые у грековъ, напримѣръ, назывались, фратріями, у римлянъ куріями и т. д. Союзы родовъ объединялись въ племена. Племена составляли тогда высшій родъ союза людей. Но дѣятельность и власть племенъ, которая бы подчиняла себѣ членовъ всѣхъ родовъ, входящихъ въ эти племена, была, въ сравненіи съ дѣятельностью и подавляющею властью современнаго государства, крайне незначительна. Племя выступало, какъ одно цѣлое, лишь во время войнъ съ другими племенами и для этихъ войнъ оно главнымъ образомъ и существовало. Во всемъ остальномъ члены рода подчинялись не писаннымъ законамъ, а установившимся обычаямъ и велѣніямъ своего немногочисленнаго рода, которые замѣняли имъ всѣ наши такъ называемые писанные законы. Жизнь и дѣятельность родовъ была крайне бѣдна и незначительна, ибо средства къ существованію, способы ихъ добыванія и самыя по-

требности были крайне скудны. Вначалѣ члены родовъ всѣ равны между собою: одинаково трудятся и одинаково дѣлятъ между собою результаты своего труда. Но вотъ растетъ родъ, затрудняется возможность добывать себѣ средства къ существованію по старому (въ силу истощенія обитаемыхъ мѣстъ, столкновенія съ другими родами и многихъ другихъ причинъ), усложняются потребности,—и постепенно выдѣляется глава, или родоначальникъ (старѣйшина), который долженъ заботиться о дѣлахъ всего рода, который самъ уже не выходитъ на охоту, на рыбную ловлю, словомъ—самъ уже физически не трудится на ряду съ другими членами, а занятъ распредѣленіемъ работъ между этими членами, прісканіемъ новыхъ мѣстъ, управленіемъ всѣми дѣлами, всею жизнью рода (даже и религіозной). Еще болѣе разрастается родъ, усложняется и расширяется его жизнь, родственные роды и цѣлыя племена все чаще ведутъ войны съ другими, вытѣсняющими ихъ родами и племенами, и интересы цѣлаго племени начинаютъ преобладать надъ интересами отдѣльныхъ родовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ все большую и большую силу начинаютъ получать начальники семьи и родовъ, и особенно начальники (и ихъ семьи) племенъ. Начальники племенъ вмѣстѣ съ группой начальниковъ родовъ (а затѣмъ и ихъ семьи), имѣя во время войны съ другими племенами (а это чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе была поглощающая и главная дѣятельность племенъ и подчиненныхъ имъ родовъ) въ своихъ рукахъ судьбу всѣхъ членовъ объединенныхъ родовъ, распоряжаясь этой судьбой, постепенно закрѣпляли эту власть надъ всѣми членами и въ мирное время. Обогащаясь и получая львиную долю во время войны плѣнными рабами, захваченными землями и проч., начальники племенъ и непосредственно стоявшіе за ними родоначальники, благодаря этимъ богатствамъ, почестямъ и славѣ, постепенно пріобрѣтали подавляющую роль и преобладающее вліяніе на дѣла племени и въ мирное время. Они и семьи ихъ, конечно, давно уже забыли о томъ, что такое физическій трудъ: руки ихъ давно перестали красоваться мозолями, а все болѣе начинали щеголять бѣлизною и выхоленностью;—словомъ, они стали править надъ племенами, заправлять всею ихъ жизнью, вершить судьбы ихъ членовъ во всякое время полновластно и безъ всякихъ ограниченій. И болѣе того, чѣмъ чаще происходили войны, тѣмъ чаще какое-нибудь племя подчиняло себѣ другія, менѣе сильныя племена, тѣмъ чаще завоеванныя (взятыя въ плѣнъ)

племена становились—съ ихъ людьми, ихъ землями—какъ бы личной собственностью военачальниковъ господствовавшихъ и побѣждавшихъ племенъ. Такимъ образомъ, племена, увеличиваясь благодаря завоеваніямъ, постепенно превращались со всѣмъ своимъ населеніемъ и землями въ личную собственность, личное и вѣчное владѣніе военачальниковъ и ихъ семей. Изъ служителей интересамъ племенъ начальники племенъ и слѣдовавшіе за ними начальники родовъ превращались постепенно въ ихъ полновластныхъ, абсолютныхъ (т.-е. ничѣмъ въ своей власти неограниченныхъ) господъ, ради обогащенія и наслажденій которыхъ должны были жить и существовать племена, съ ихъ тяжкимъ ежедневнымъ трудомъ, съ ихъ жертвами во время войны (ужъ не между цѣлыми племенами, а ихъ властелинами, стремившимися этими войнами лишь лично обогатиться, пріобрѣсти еще большую власть и могущество). По мѣрѣ того, какъ трудъ племенъ становился болѣе осѣдлымъ, а именно переходилъ къ скотоводству, а затѣмъ къ земледѣлію, гдѣ уже требовалась постоянная территорія (т.-е. мѣсто приложенія своего труда), прочное обезпеченіе этой территоріи отъ вторженія враждебныхъ, еще кочующихъ племенъ,—военачальники и ихъ семьи, разраставшіяся въ особое сословіе дворянъ и рыцарей, окончательно закрѣпляли за собою господство и власть надъ мирнымъ, осѣдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Это особое привилегированное сословіе, стоя у власти, владѣя землями и обитающимъ на этихъ земляхъ населеніемъ, дѣлилось по богатству и власти на разные низшіе и высшіе классы господъ—феодаловъ и, наконецъ, выдѣляло изъ себя наиболѣе богатаго, сильнаго и могущественнаго господина, которому до нѣкоторой (чѣмъ далѣе, тѣмъ большей) степени подчинялись всѣ остальные господа,—феодалы, рыцари, дворяне и пр. ихъ сподвижники въ постоянныхъ и безчисленныхъ войнахъ съ другими крупными феодалами. Такъ возникали короли, ихъ приближенные князья, графы, дворяне и ихъ войска. Такъ росло рабство въ древности, а затѣмъ въ средніе вѣка крѣпостничество; такъ росла награбленная, захваченная въ войнѣ съ другими племенами или при подчиненіи и закрѣпощеніи членовъ своего собственнаго племени, крупная земельная, а затѣмъ и всякая другая собственность господъ-феодаловъ, а вмѣстѣ съ ростомъ хищнически, насильственно пріобрѣтенной собственности, вмѣстѣ съ расширеніемъ территоріи, занимаемой господствующими и подчиненными племенами,—постепенно создавались и современ-

ныя, перешедшія къ намъ изъ среднихъ вѣковъ государства, которыя составлялись, такимъ образомъ, изъ побѣдившихъ и побѣжденныхъ, но вмѣстѣ слившихся потомъ въ одно сплошное, прикрѣпленное къ землѣ и къ господамъ, населеніе племенъ съ одной стороны, а съ другой изъ господъ-феодаловъ (бывшихъ родо- и племе-начальниковъ) и дворянъ, становившихся полными господами и властелинами и захватившихъ въ свои руки все управленіе дѣлами и судьбами этого государства. Ростъ частной собственности на земли и людей побѣжденныхъ племенъ, скоплявшейся при помощи войнъ и захватовъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ (родо- и племе-начальниковъ и ихъ приближенныхъ), и расширеніе территоріи, занимаемой побѣдившими и побѣжденными, вмѣстѣ слившимися племенами, опредѣляли, такимъ образомъ, возникновеніе государствъ. И въ древности, въ Греціи и Римѣ это государство составляли съ одной стороны многочисленные рабы, съ другой немногочисленные господа, называвшіеся гражданами. Въ средніе вѣка государство составляли крѣпостные крестьяне съ постепенно нароставшимъ и выдѣлявшимся ремесленнымъ, торговымъ и промышленнымъ сословіемъ съ одной стороны, и короли, господа-феодалы, рыцари, дворяне, владѣтельное духовенство—съ другой. Разъ самое государство возникло, какъ результатъ постепеннаго подчиненія многочисленныхъ членовъ какъ побѣждавшихъ, такъ и побѣжденныхъ племенъ незначительной по числу кучкѣ родо- и племе-начальниковъ, перешедшихъ затѣмъ въ феодаловъ и дворянъ (и духовенство), — то отсюда ясно, и не можетъ возникать никакихъ сомнѣній въ томъ, какимъ продолжало быть и неизбѣжно должно было продолжать быть такимъ образомъ возникшее государство. Разъ феодалы, дворяне, духовенство стали съ самаго начала возникновенія государства у власти, завладѣли всѣми дѣлами его, заправляли судьбами всѣхъ остальныхъ слоевъ населенія даннаго государства, крестьянъ, слугъ, ремесленниковъ, торговцевъ и др.,—то отсюда не менѣе ясно, чѣмъ занималось и не могло не заниматься государство въ своей дѣятельности, каково было его управленіе, каковы были издававшіеся государствомъ законы, и чьи интересы оно обслуживало. Государство образовало войско, судъ, полицію, разныя другія учрежденія, издавало такіе законы, которые всѣ вмѣстѣ имѣли цѣлью все болѣе и крѣпче подчинить господствующимъ классамъ, дворянству и духовенству, все остальное населеніе, присваивать у этого населенія и пе-

редавать первымъ сословiямъ ихъ трудъ, ихъ собственность,— словомъ, государство со всѣми его учрежденiями, со всѣми его писанными и неписанными законами, управляемое господствующими классами, ставило себѣ цѣлью (оно и возникло для этихъ цѣлей) укрѣпить и увеличить дальнѣйшее господство, власть и могущество этихъ привилегированныхъ классовъ. И вся дальнѣйшая жизнь и дѣятельность государства, всѣ войны, законодательство, всѣ столкновенiя между собою различныхъ классовъ населенiя государства имѣли своею цѣлью защиту интересовъ могущественнаго меньшинства на счетъ широкихъ и обездоленныхъ народныхъ массъ. Изъ государства и общества среднихъ вѣковъ вырастаютъ постепенно современныя государства и общества съ ихъ многочисленными фабриками и заводами, съ ихъ удивительными путями сообщенiя, съ ихъ поразительнымъ расцвѣтомъ промышленности и торговли, съ ихъ неисчислимыми богатствами, съ ихъ развитой техникой, съ ихъ утонченными и сложными потребностями и возможностью удовлетворенiя всѣхъ этихъ утонченныхъ и прихотливыхъ потребностей, наконецъ, съ ихъ новыми классами: овладѣвшей всѣми богатствами, а потому и властью, буржуазiей и многочисленными кадрами фабрично-заводскихъ, лишенныхъ всякой собственности, скученныхъ массами въ городахъ, рабочихъ. Но и эти государства, какъ и древнiя средневѣковыя, основаны на томъ же, хотя и болѣе замаскированномъ, подчиненiи большинства меньшинству и продолжаютъ поддерживать и закрѣплять неравенство въ имущественномъ состоянiи, а значитъ и въ силѣ и значенiи въ государственной жизни различныхъ классовъ населенiя. Если въ среднiе вѣка зависимость однихъ классовъ населенiя отъ другихъ выражалась грубо и прямо въ видѣ права собственности меньшинства, дворянъ и духовенства, на личность, жизнь и имущество большинства, крестьянства, въ видѣ такъ называемаго крѣпостного права, — то теперь, впервые послѣ великой французской революцiи 1789-го года эта зависимость получила другую, болѣе скрытую форму. Лично, послѣ этой революцiи, какъ во Францiи, такъ раньше или позже и во всѣхъ остальныхъ странахъ Европы неимущiе классы населенiя (крестьянство, ремесленники и рабочiе) стали независимыми, свободными, раскрѣпощенными, т. е. получили право дѣлать и располагать собою, что и какъ имъ будетъ угодно, — это по закону (или, какъ говорятъ, формально). Но на дѣлѣ, фактически, неимущiе классы населенiя подпали подъ еще большую

зависимость: они могутъ идти, куда имъ угодно,—законъ ихъ не удерживаетъ, но уйти то вѣдь некуда: чтобы жить надо работать, а чтобы работать, надо имѣть, надъ чѣмъ и съ чѣмъ работать, т. е. надо имѣть землю, сырые матеріалы, орудія и машины, словомъ. надо обладать, какъ принято выражаться, орудіями и средствами производства, а ихъ то у неимущихъ классовъ населенія и нѣтъ. Всѣ орудія, средства производства, труда находятся, въ видѣ частной собственности, въ рукахъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Поэтому отъ голода хотя и можно уйти, куда тебѣ заблагоразсудится, на самомъ то дѣлѣ идти больше и некуда, какъ только къ этимъ землевладѣльцамъ, фабрикантамъ, заводчикамъ и прочимъ имущимъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ и сосредоточено все, надъ чѣмъ и съ чѣмъ единственно и можно трудиться. И выходитъ, что или умирать съ голоду или соглашаться работать на тѣхъ условіяхъ, на какихъ предложитъ фабрикантъ или заводчикъ, выходитъ, что хотя и существуетъ теперь свобода личности располагать своимъ трудомъ, сговариваться или не сговариваться съ имущими классами, отъ которыхъ единственно и можно получить работу, но это такая свобода отъ которой приходится волкомъ выть и въ концѣ концовъ идти на все, что предложатъ эти имущіе классы, а значитъ попадать въ тяжкую зависимость отъ нихъ, подъ угрозою иначе совсѣмъ умереть отъ голода. Новый видъ зависимости въ современномъ государствѣ, зависимость бѣдныхъ отъ богатыхъ, такимъ образомъ, по существу остается старою—и, значитъ, всѣ законы, всѣ учрежденія, вся дѣятельность государствъ, какъ это мы и увидимъ ниже, направлена къ поддержанію этой зависимости, этого неравенства, этого стараго подчиненія большинства меньшинству.

Изъ разсмотрѣнія исторіи возникновенія государства, какъ видите, уже самъ собою намѣчается отвѣтъ на поставленный вначалѣ вопросъ: что такое государство? По крайней мѣрѣ, изъ этого разсмотрѣнія начала и прошлаго всѣхъ государствъ ясно теперь, какимъ оно было, для какихъ цѣлей оно слагалось, и какъ направляло оно свою дѣятельность.

Мы видѣли, какъ постепенно государства разростались въ огромное, обширное и сложное, вѣками разроставшееся зданіе, съ многочисленными башнями, арками, задними лѣстницами и подземными ходами. Въ первомъ этажѣ этого зданія живетъ дворянство, духовенство, войско и чиновничество; во второмъ—руководители торговли, индустріи (городской промышленности и сель-

скаго хозяйства, третій этажъ занятъ духовными руководителями народа, учеными, художниками; громадныя же массы рабочаго народа изгнаны въ чердачныя «каморки». Какимъ образомъ, въ силу какихъ причинъ возникла такая удивительная постройка,— мы видѣли уже при разсмотрѣніи возникновенія государства.

Постараемся теперь немного поближе разсмотрѣть эту ясную и понятную въ своемъ возникновеніи, но усложнившуюся и запутанную въ современномъ ея состояніи, удивительную постройку.

Первое мѣсто въ современномъ государствѣ занимаютъ высшіе представители государственной власти: наслѣдственные монархи и ихъ фамиліи въ монархіяхъ; выборное и, значитъ, смѣняемое правительство въ республикѣ. Вездѣ и всюду до сихъ поръ главною задачею этихъ высшихъ представителей власти и государства являлось усиленіе блеска и власти государства, ибо отъ внѣшняго блеска и могущества зависитъ во многомъ ихъ собственное положеніе и значеніе въ глазахъ различныхъ классовъ своего народа. Благодаря такому положенію, эти представители государства и его власти все свое вниманіе направляютъ прежде всего на сохраненіе и расширеніе площади государства и объема (количества) его населенія, а это влечетъ за собою усиленную и всепоглощающую заботу о военныхъ цѣляхъ и денежныхъ средствахъ.

Техника, наука, искусство, образованіе, повышеніе благосостоянія и развитости (какъ говорятъ, культурности) массъ—все это должно лишь служить этимъ военнымъ и внѣшнимъ цѣлямъ, является для государства лишь средствомъ, а не самостоятельной цѣлью. И если бы можно было воевать, обогащаться, расширять свое внѣшнее могущество безъ этихъ культурныхъ силъ, государство и не подумало бы заботиться объ этихъ культурныхъ силахъ ради нихъ самихъ. Сводя, такимъ образомъ, всѣ цѣли, которыми задаются представители современныхъ государствъ, одно можно смѣло сказать, что стремленія высшихъ руководителей государства направлены обыкновенно на увеличеніе п ы ш н о с т и и в л а с т и.

Вторую группу въ большинствѣ европейскихъ государствъ составляютъ дворянство и высшіе слои духовенства. Будучи въ началѣ образованія современныхъ государствъ самыми могущественными и владѣтельными, они постепенно, съ развитіемъ торговли и промышленности, городовъ и буржуазіи, теряли свои обширныя земли, переходившія въ руки обогатившихся выходцевъ изъ низшихъ классовъ населенія (ростовщиковъ,

торговцевъ и др.). И по мѣрѣ того, какъ наростала новая власть, власть денежная, дворянство и духовенство, бѣднѣя, все болѣе искало опоры въ оффиціальныхъ представителяхъ государственной власти. Но, получая отъ государства поддержку, эти верхушки населенія должны въ свою очередь поддерживать и защищать стремленія представителей государственной власти къ блеску и внѣшнему военному могуществу. Современное положеніе дворянства и духовенства сводится, такимъ образомъ, къ тому, что они постоянно требуютъ себѣ выдающагося общественнаго положенія и готовой жизни на счетъ общества и государства, получая все это или въ видѣ лучшихъ мѣстъ въ военной и гражданской службѣ или въ видѣ дарового дохода посредствомъ освобожденія отъ налоговъ, посредствомъ всякихъ таможенныхъ обложеній (дающихъ имъ возможность продавать свои собственные земледѣльческіе продукты втридорога, какъ это происходитъ, напримѣръ, сейчасъ въ Германіи съ обложеніемъ таможенной пошлиной скота и т. д.), посредствомъ всякаго рода монополій (т. е. исключительнаго, имъ однимъ принадлежащаго права воздѣлывать что-либо, пользоваться чѣмъ-либо и т. д.)... Обладая изъ вѣка въ вѣкъ всякими привилегіями, дворянство и теперь продолжаетъ стремиться поддерживать свои старыя привилегіи и получать все новыя и новыя.

Далѣе слѣдуютъ буржуазія и крестьянство, составляющія какъ бы среднее сословіе. Классы буржуазіи стоятъ во главѣ общественнаго производства необходимыхъ къ жизни продуктовъ. Владѣя всѣми орудіями и средствами, необходимыми для общественнаго производства, опредѣляя самый характеръ и направленіе всѣхъ областей труда, держа въ своихъ рукахъ всю судьбу многомилліонныхъ массъ неимущаго населенія, трудящагося при помощи ихъ орудій и ихъ средствъ производства (т. е. работающаго на ихъ фабрикахъ и заводахъ, земляхъ, надъ ихъ матеріалами и ихъ машинами)—эти имущіе или, какъ говорятъ, буржуазные классы населенія заправляютъ всей, если можно такъ выразиться, матеріальной жизнью общества и государства, заправляютъ созданіемъ всѣхъ благъ и богатствъ. Поэтому естественно, что эти классы населенія ставятъ себѣ цѣлью улучшеніе своего имущественнаго положенія, или проще говоря, обогащеніе. Постепенно эти классы населенія, овладѣвъ и все болѣе овладѣвая всѣми богатствами государства, начинаютъ тянуться къ власти, къ привиллегированному положенію, къ чинамъ и почестямъ, къ

увѣковѣченію своихъ именъ и фамилій дворянскими титулами. И они, дѣйствительно, все болѣе и болѣе начинаютъ вліять на судьбы государствъ; постепенно получаютъ часть государственной власти, ставятъ даже эту государственную власть въ зависимость отъ себя именно потому, что въ ихъ рукахъ деньги, матеріальныя блага, а государственной власти для поддержанія своего могущества и власти все болѣе приходится обращаться къ помощи ихъ денегъ и ихъ богатствъ. И рано или поздно эти буржуазные имущіе классы населенія становятся непосредственно у самой власти—и если не совсѣмъ вытѣсняютъ старыя привиллегированныя сословія дворянства и духовенства, то во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ съ ними раздѣляютъ власть на равныхъ или даже преимущественныхъ правахъ. Въ рукахъ этихъ же буржуазныхъ классовъ обыкновенно сосредоточивается и сила знанія, образованія. Такимъ образомъ, въ ихъ рукахъ находятся всѣ матеріальныя и духовныя блага плюсъ возрастающее участіе въ осуществленіи государственной власти.

Четвертую и самую многочисленную группу населенія составляютъ неимущіе, трудящіеся классы, или, какъ называютъ ихъ иногда, рабочее сословіе. На долю этихъ классовъ, также возросшихъ съ расцвѣтомъ торговли и промышленности, выпадаетъ лишь тяжелая и не особенно благодарная обязанность трудиться, создавать всѣ богатства и блага и постоянно видѣть, какъ эти богатства и блага попадаютъ не въ ихъ руки. Эти классы населенія, безправные и неимущіе, выглядывающіе изъ рукъ имущихъ и властвующихъ классовъ, ведутъ тяжелую трудовую жизнь изо дня въ день, и ихъ постоянной заботой является какъ бы насытиться сегодня и какъ бы не умереть съ голоду завтра. Всѣ ихъ помыслы и стремленія по неволѣ, по проклятой неизбѣжности постоянно направлены къ матеріальнымъ условіямъ ихъ существованія. Обдѣленные знаніемъ въ молодости, не имѣя времени получать это знаніе потомъ, задумываться надъ жизнью и способами улучшить ее, эти классы въ массѣ своей въ началѣ лишь инстиктивно (т. е. безъ яснаго сознанія путей и средствъ) стремятся выйти изъ своего тяжелаго положенія. Но такъ или иначе, рано или поздно и эти классы населенія начинаютъ все въ большемъ и большемъ числѣ тянуться къ лучшимъ условіямъ своего существованія, начинаютъ сознательно стремиться отдѣлаться отъ замаскированнаго рабства, труда на

чужихъ, начинаютъ сознательно тянуться къ такимъ общественнымъ и государственнымъ порядкамъ, которые обезпечивали бы всѣмъ классамъ народа возможность легкаго, обезпеченнаго, равнаго для всѣхъ труда, возможность для всѣхъ безъ исключеній обезпеченной и единственно достойной для человѣка жизни и развитія своихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ. Эти классы на знамени своихъ стремленій дѣлаютъ надпись: необходимо создать для всѣхъ безъ исключенія достойное человѣка, обезпеченное экономическое положеніе, свободу и неприкосновенность личности, возможность развитія всѣхъ ея силъ. Дайте всѣмъ намъ обезпеченное матеріальное положеніе, свободу и неприкосновенность личности и существованія, дайте всѣмъ знаніе и свободу,—и да погибнетъ неравенство и волчье отношеніе людей другъ къ другу—такъ говорятъ неимущіе, трудящіеся классы населенія.

Легко отсюда видѣть, насколько достойнѣе, шире и человѣчнѣе стремленія четвертой группы населенія современныхъ государствъ, чѣмъ стремленія всѣхъ прочихъ группъ. Можно смѣло сказать, что стремленія четвертой группы, т. е. неимущихъ классовъ, это стремленія всего человѣчества, и потому самому они въ высшей степени чисты и безкорыстны. Каждый честный, смѣлый и независимый человѣкъ, который только задумывается надъ всѣми ненормальностями, вопіющими недостатками современныхъ общественныхъ и государственныхъ порядковъ, можетъ смѣло стремленія неимущихъ классовъ сдѣлать своими собственными стремленіями; и каждый такой человѣкъ, узнавъ ихъ, невольно воскликнетъ: «вотъ классъ населенія, который впервые въ печальной исторіи человѣчества, исторіи гнета и насилія, постояннаго порабощенія однихъ другими,—ставитъ себѣ безкорыстныя цѣли, впервые свое собственное благо видитъ въ благѣ всего человѣчества, а не въ привилегіяхъ и классовомъ превосходствѣ, господствѣ и насиліи.»

Мы видимъ, какъ каждая группа населенія стремилась и стремится, по мѣрѣ роста своего могущества и значенія, вліять такъ или иначе на государственную власть, на все направленіе государственной дѣятельности и для этого тянется къ самому кормилу государственной власти. И дѣйствительно, каждая группа играла въ свое время преобладающую роль въ государствѣ, пользовалась преобладающимъ вліяніямъ, и благодаря этому вліянію, свои собственные, узкіе классовые интересы, враждебные всему остальному населенію, эта группа

обращала въ интересы государства, отождествляла ихъ съ ними, умѣла свое собственное благо всѣми путями и способами обращать въ благо общественное, общее и даже всечеловѣческое. Государственная власть и непосредственно стоящія за нею господствующія группы населенія всегда поэтому выставляли на первый планъ благо общественное, общее, и всѣ классы населенія должны были за страхъ или за совѣсть вѣрить и считать, что все, что ни предпринимается государственною властью, все это направлено ко всеобщему благу, а вовсе не къ обезпеченію и закрѣпленію власти и могущества своей собственной или отдѣльныхъ, надъ всею массою стоящихъ, привилегированныхъ группъ населенія. До XVIII ст. господствующее и могущественное положеніе занимали монархи, короли и другія вліятельныя лица,— и вся внѣшняя и внутренняя политика, вся дѣятельность государства опредѣлялась прежде всего ихъ интересами. А ихъ интересы заключались главнымъ образомъ въ безконечныхъ войнахъ для закрѣпленія и расширенія своего блеска и могущества,—и потому войны, распри, жизнь военнаго сословія заполняютъ собою все содержаніе тогдашней жизни и дѣятельности государства. И даже наука объ исторіи человѣческой, которая главнымъ образомъ и писалась лицами изъ этой же привилегированной среды, описывая прошлое, все время занималась исторіей войнъ, столкновеній придворной жизни императоровъ, королей и ихъ приближенныхъ, какъ будто бы остальныя массы населенія и не жили, какъ будто бы ихъ и совсѣмъ не существовало. И тогда дѣло всѣми (прежде всего, конечно, тѣми, кому это нужно было) представлялось такъ, что интересы этихъ высшихъ представителей власти и государства—это интересы всего народа, и что, значитъ, всѣ войны, всѣ жертвы идутъ на благо и пользу всего народа. За монархами и королями шли непосредственно дворянство и высшее духовенство. Интересы всѣхъ этихъ трехъ группъ очень долго и почти всегда сливались вмѣстѣ и шли въ одномъ направленіи, поэтому интересы дворянства, духовенства, двора опредѣляютъ весь характеръ и направленіе государственной дѣятельности, начиная съ среднихъ вѣковъ и вплоть до конца XVIII столѣтія. Съ эпохи великой французской революціи, съ 1789 года на передній планъ выдвигается третья группа, буржуазія. Въ ея рукахъ власть денегъ, богатства, въ которыхъ все болѣе и болѣе начинаетъ нуждаться государственная власть,— и буржуазія постепенно въ XIX столѣтіи пріобрѣтаетъ вліяніе

на эту самую государственную власть, начинаетъ раздѣлять ее съ дворомъ и дворянствомъ; и съ этихъ поръ все направленіе государственной дѣятельности опредѣляется главнымъ образомъ интересами буржуазіи, имущихъ классовъ. И здѣсь пытаются интересы этихъ послѣднихъ отождествить съ интересами и благами всего народа. Объ этомъ достаточно заботятся всѣ защитники интересовъ буржуазіи, ея ученые и другіе духовные руководители народа. Эти ученые создали много теорій (ученій) о происхожденіи государства, о его цѣляхъ, и всѣ эти теоріи такъ или иначе, намѣренно или невольно оправдываютъ и узаконяютъ существующій порядокъ вещей. Остановимся на двухъ главныхъ теоріяхъ, или ученіяхъ о государствѣ. Одно ученіе называется историческимъ. Согласно этому ученію государство и его законы (или, какъ говорятъ, право) суть продукты народнаго духа, т. е. особыхъ, неизмѣнныхъ духовныхъ свойствъ и качествъ всего народа. Поэтому существующее государство и право (т. е. законы и учрежденія) установлены не произволомъ отдѣльной личности или отдѣльныхъ группъ населенія, а всѣмъ народомъ. Разъ государство и право зависятъ отъ духовнаго склада всего народа, а духовный складъ остается постояннымъ или очень мало измѣняющимся, то отсюда слѣдуетъ, что и самое государство и право остаются и должны оставаться постоянными и неизмѣнными. И, значитъ, всякое стремленіе измѣнить, нарушить тѣ или иныя уже существующія государственныя установленія противоестественно и должно караться немилосердно. Къ этому ученію о государствѣ присоединяется еще ученіе о государствѣ, какъ о человѣческомъ или животномъ организмѣ, который вѣдь тоже не терпитъ никакихъ явныхъ измѣненій или нарушеній,—и если и есть въ немъ кой-какія измѣненія, то они происходятъ незамѣтно, сами собою и все же не нарушаютъ цѣлости и прежняго вида его. А главное, въ такомъ организмѣ каждая часть, каждый членъ его знаетъ свое неизмѣнное мѣсто и отъ вѣка исполняетъ свое дѣло. Руки и ноги трудятся и добываютъ въ потѣ лица всѣ необходимые для организма продукты; желудокъ занимается пріятной обязанностью ихъ переваривать; мозгъ, получая даромъ всѣ доставленные руками и переработанные желудкомъ продукты, взамѣнъ этого управляетъ руками да и всѣмъ прочимъ организмомъ. Но что важнѣе всего въ организмѣ, это то, что каждый членъ его предназначенъ навсегда лишь для одного рода дѣятельности, и не можетъ перейти къ дру-

гой. Руки не могутъ помѣняться своимъ тяжелымъ трудомъ съ легкой обязанностью желудка—переваривать, или не менѣе пріятной обязанностью мозга—управлять организмомъ. Еще въ древности эта теорія была извѣстна и проводилась не безъ успѣха въ жизнь, напримѣръ, во время знаменитаго возмущенія плебеевъ (римскихъ неимущихъ классовъ) противъ патриціевъ (т. е. богатыхъ и знатныхъ господъ). Когда плебеи не захотѣли больше трудиться на патриціевъ и удалились на Священную гору (въ 494 г. до Р. Х.), знатный римлянинъ Мененій Агриппа пришелъ къ плебеямъ для переговоровъ и разсказалъ имъ басню о томъ, какъ члены тѣла, возмутившіеся противъ все пожиравшаго и ничего не дѣлавшаго желудка и отказавшіеся поэтому работать, въ концѣ концовъ отъ этого отказа работать сами же пострадали и, придя въ разстройство, должны были волей неволей опять приняться за старую, не веселую, но все же питавшую ихъ работу. Плебеи, выслушавъ эту басню, согласились съ Агриппою, что они, будучи руками, т. е. работающими членами римскаго государственнаго организма, въ концѣ концовъ не могутъ отказаться отъ работы на желудокъ и мозгъ, т. е. на патриціевъ, безъ страха самимъ погибнуть—и, что какъ патриціямъ не обойтись безъ плебеевъ, такъ и плебеямъ не обойтись безъ патриціевъ... И плебеи согласились возвратиться въ Римъ и продолжать работать на патриціевъ. Въ наши дни ученые и всѣ иные защитники государственныхъ порядковъ, проповѣдуя ученіе о государствѣ, какъ объ организмѣ, несомнѣнно буржуазіи и другимъ имущимъ и образованнымъ классамъ отводятъ пріятную роль желудка и мозговъ, неимущимъ же классамъ населенія отводятъ довольно тяжелую обязанность рабочихъ, мозолистыхъ рукъ, не знающихъ ни отдыха ни покоя. Вы видите, что историческая и органическая (ученіе о государствѣ, какъ объ организмѣ) теорія государства, какъ будто нарочно выдумана для того, чтобы оправдать существующія отношенія между имущими и неимущими классами. Эти теоріи по самому существу своему враждебно относятся ко всякому общественнему развитію, ко всякому стремленію измѣнить экономическіе, общественные и политическіе порядки. И очень долгое время эти ученія имѣютъ успѣхъ и вліяютъ на сознаніе многихъ и многихъ даже изъ неимущихъ классовъ.

Не менѣе ошибочно и другое очень распространенное мнѣніе о государствѣ, какъ объ общественномъ договорѣ между со-

бою всѣхъ гражданъ. По этому ученію выходитъ, что свободно сошлось извѣстное (довольно многочисленное) число людей свободно договорились между собою о совмѣстномъ жительствѣ,—и получилось государство. Вся остальная и дальнѣйшая дѣятельность государства, всѣ законы издаются и исполняются гражданами такъ же свободно и добровольно. Такимъ образомъ, все, что ни дѣлается и совершается въ государствѣ,—все это предпринимается по доброй волѣ согражданъ. Что оба эти ученія нелѣпы, кажется, не трудно доказать. Какимъ образомъ изъ духа или основныхъ свойствъ народа (какъ объ этомъ учитъ историческая теорія) можетъ вытекать такое вопіющее неравенство въ положеніи главныхъ массъ этого же народа? Надо тогда допустить, что духъ и свойства народа враждебны интересамъ самого народа,—что явно нелѣпо. Но и ученіе о свободномъ договорѣ между собою всѣхъ гражданъ не менѣе нелѣпо. Какъ могутъ люди, свободно договаривающіеся, выговорить себѣ рабство, цѣпи, униженное и бѣдственное положеніе, нищету и страданія? Или всѣ эти тягости взяты народомъ добровольно? Во имя чего же? Такимъ образомъ, всѣ эти ученія о государствѣ, возникшія въ средѣ имущихъ и властвующихъ, далеки отъ истиннаго пониманія того, что такое государство, и болѣе придуманы для оправданія существующихъ отношеній между имущими и неимущими, чѣмъ для правильнаго объясненія.

Но ко второй половинѣ XIX вѣка наростаетъ движеніе среди четвертой группы населенія, недовольство неимущихъ, рабочихъ классовъ. Эти классы чувствуютъ всю несправедливость, весь гнетъ окружающихъ ихъ порядковъ и начинаютъ желать ихъ измѣненія. Изъ среды этихъ классовъ, а также изъ среды болѣе честныхъ и независимыхъ мыслителей выдѣляются лица, которыя начинаютъ, благодаря движенію массъ, особенно вдумываться въ положеніе этихъ обездоленныхъ массъ, опредѣлять причины существующаго неравенства и неравномѣрнаго пользованія правами и благами въ современномъ государствѣ.

Эти лица все болѣе и болѣе приходятъ къ убѣжденію, что государство, какъ ни стараются въ этомъ увѣрить всѣхъ защитники существующаго порядка,—вовсе не ставитъ себѣ цѣлью достиженіе общественнаго блага, и еще менѣе блага всѣхъ, а что государство въ самомъ началѣ его возникновенія основалось путемъ насилія, захвата въ интересахъ узкихъ общественныхъ круговъ, и что въ дальнѣйшемъ оно также

продолжаетъ держаться неравенствомъ и принужденіемъ. И это мы дѣйствительно могли видѣть изъ разсмотрѣнія возникновенія государства: оно дѣйствительно складывалось путемъ захвата, порабощенія, въ дальнѣйшей своей дѣятельности имѣло и имѣетъ еще до сихъ поръ своей главной цѣлью утвержденіе и расширеніе господства и власти побѣдителей, переходившихъ постепенно во владѣющихъ всѣми землями и, наконецъ, всѣми благами и богатствами, дворянъ и нынѣшніе буржуазные классы. Государство было и остается до сихъ поръ организованнымъ господствомъ меньшинства надъ большинствомъ,—и это понятіе о государствѣ очень трудно опровергнуть.

Только такое объясненіе государства дѣлаетъ понятнымъ поражающій насъ видъ государственнаго зданія. Итакъ, мы теперь прямо подошли и уже незамѣтно для себя отвѣтили на вопросъ, что такое государство, или, вѣрнѣе сказать, какимъ было и остается до сихъ поръ государство. Будетъ ли оно продолжать оставаться такимъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ сама жизнь, безпощадно раскрывающая всѣ язвы современныхъ государственныхъ порядковъ. На это отвѣчаетъ возрастающее недовольство этими порядками трудящихся массъ населенія, всѣхъ болѣе терпящихъ отъ нихъ. Разъ многочисленные слои населенія приходятъ къ сознанію несправедливости тѣхъ или иныхъ общественныхъ порядковъ, эти послѣдніе рано или поздно должны быть измѣнены. Это ясно, какъ Божій день. И порядки дѣйствительно (другой вопросъ: какимъ образомъ?) мѣняются. Нынѣшніе порядки, какъ они ни продолжаютъ покровительствовать богатымъ и сильнымъ, совершенно не похожи на порядки средневѣковые, когда вездѣ и всюду господствовала варварская жестокость, вездѣ и всюду царила грубая внѣшняя сила, сковывавшая не только тѣло,—но и мысль, слово, душу, и мозгъ. Въ средніе вѣка слишкомъ часто сжигали тѣхъ, кто вѣрилъ и думалъ немного иначе, чѣмъ правящая власть. Теперь такихъ людей не сжигаютъ. Люди свободны въ своей вѣрѣ, въ своихъ мысляхъ, въ желаніяхъ и стремленіяхъ (правда, съ большими оговорками).

Достигнувъ свободы духовной, люди стремятся теперь достигнуть свободы матеріальной, экономической, т. е. свободы отъ голода, нищеты и болѣзни. Люди поэтому хотятъ даже и наши нынѣшніе, такъ далеко ушедшіе впередъ отъ средневѣковыхъ общественные порядки измѣнить такъ, чтобы новые общественные порядки, новое государство, государство

будущаго, наконецъ, уничтожило разъ навсегда постыдное неравенство однихъ передъ другими, обезпечило всѣмъ достойное человѣка существованіе, организуя равный и для всѣхъ обязательный, но легкій, здоровый и пріятный трудъ, давало бы всѣмъ пищу, одежду, жилище, разумныя и здоровыя развлеченія, знанія и возможность совершенствованія своихъ силъ и способностей,— и люди этого добьются, разъ они этого ясно и твердо желаютъ! Остановимся теперь подробнѣе на разныхъ сторонахъ современной государственной жизни, чтобы, разобравъ ихъ, яснѣе и отчетливѣй представить себѣ, какимъ должно быть государство въ будущемъ, чтобы оно дѣйствительно могло удовлетворить благу всѣхъ.

ГЛАВА II.

Государство настоящаго.

Современнымъ государствамъ Менгеръ въ своей книгѣ «Новое ученіе о государствѣ» даетъ названіе индивидуалистическихъ или насильственныхъ государствъ.

Современный государственный строй, такимъ образомъ, разсматривается, какъ господствующее и повелѣвающее государство, какъ государство насилія. Такъ называемое общественное благо, т е. выставляемая на видъ цѣль государственной дѣятельности, на самомъ дѣлѣ является и всегда являлась ничѣмъ инымъ, какъ личными и политическими цѣлями господствующихъ въ данное время классовъ и группъ. Жизнь и дѣятельность современныхъ государствъ представляетъ двоякую картину. Съ одной стороны мы имѣемъ ежедневныя экономическія отношенія, связи различныхъ классовъ населенія. Съ другой стороны—верховную власть, войско, флотъ, юстицію (т. е. суды), администрацію (правительственныя учрежденія съ ихъ чиновниками), школу, религію и т. д.—и все это составляетъ дѣятельность государства въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Экономическія отношенія современныхъ классовъ таковы, что съ одной стороны, незначительное меньшинство населенія владѣетъ всѣми орудіями и средствами производства, съ другой стороны—подавляющее большинство населенія, лишенное всякихъ средствъ производства, и, значитъ, лишенное всякихъ средствъ къ жизни. Въ силу такого положенія вещей, большинство населенія въ прісканіи средствъ къ жизни вынуждено обращаться къ богатому меньшинству, въ рукахъ ко-

торыхъ сосредоточено все, съ чѣмъ и надъ чѣмъ единственно можно трудиться и добывать себѣ различные, необходимые для жизни, продукты. Договоръ съ имущими классами при обращенiи къ нимъ за работой—вполнѣ свободный: законъ и власть не предписываютъ неимущимъ принимать тѣ, а не иныя условiя отъ имущихъ. Но эти послѣднiя, зная что большинству населенiя некуда обращаться въ другiе мѣста за работой и что передъ этимъ большинствомъ два выхода: или умереть съ голоду, или согласиться на всѣ самыя тяжкiя условiя работы,—дѣйствительно и предлагаютъ ищущимъ работы самыя тяжелыя условiя: работа должна происходить 10—15 часовъ, изъ заработаннаго за всѣ эти долгiе часы трудящимся будетъ выдана въ видѣ заработной платы всего лишь одна треть или одна четверть, а то и одна пятая часть. Остальная львиная доля, выработанная многомиллiонными массами, пойдетъ имущему меньшинству въ уплату за то, что это меньшинство допустило работать помощью ихъ средствъ, ихъ орудiй, на ихъ земляхъ. Мы видѣли уже вначалѣ, какъ получились всѣ эти богатства въ рукахъ меньшинства во время войнъ, захватовъ и насилiй; теперь же эти богатства ведутъ къ дальнѣйшему, но уже мирному обогащенiю владѣющаго ими меньшинства при помощи не вынуждаемаго закономъ, но вынуждаемаго самою силою жизни присвоенiя себѣ громадной части продуктовъ труда у неимущаго большинства. Таковы основныя отношенiя и дѣйствительная экономическая зависимость многочисленныхъ неимущихъ классовъ населенiя отъ малочисленныхъ имущихъ классовъ. Здѣсь каждый предоставленъ себѣ, своимъ собственнымъ силамъ. Государственная власть совершенно не вмѣшивается въ хозяйственную дѣятельность членовъ государства; эта власть совершенно не обращаетъ вниманiя на вопiющiй фактъ экономическаго неравенства, приводящiй къ дальнѣйшему, еще большему обогащенiю однихъ и растущему обѣдненiю и обездоливанiю другихъ, ведущiй къ гнету, рабству, вырожденiю многочисленныхъ классовъ населенiя. Не вмѣшиваясь въ хозяйственную жизнь, не заботясь о производствѣ благъ и еще болѣе объ ихъ справедливомъ распредѣленiи, государственная власть, наоборотъ, всецѣло всю свою дѣятельность направляетъ къ узаконенiю, укрѣпленiю и расширенiю и защитѣ имущественныхъ и всѣхъ иныхъ интересовъ богатыхъ и властвующихъ классовъ. Не вмѣшиваясь въ экономическую дѣятельность, го-

сударственная власть всѣми своими учрежденіями, законами только регулируетъ отношенія имущихъ и неимущихъ классовъ такъ, чтобы всюду сохранялись неравенство и подчиненіе въ отношеніяхъ этихъ классовъ. Подробнѣе специальная дѣятельность государственной власти представляется въ слѣдующемъ видѣ. Прежде всего государственная власть заботится объ утвержденіи и расширеніи власти господствующихъ элементовъ и правящихъ группъ, расширяя эту власть и господство при помощи завоеваній. Для этого содержится громадное постоянное войско и флотъ, на которыя тратятся львиныя доли государственныхъ доходовъ. Громадная часть этихъ, съ народа же собранныхъ доходовъ идетъ также на уплату процентовъ по безчисленнымъ военнымъ долгамъ. Эти неимовѣрныя траты народныхъ денегъ идутъ на цѣли, совершенно чуждыя народнымъ массамъ. Но ихъ пытаются оправдать необходимосгью защиты населенія и государства отъ вторженія внѣшняго врага. Межъ тѣмъ обоюдное угрожающее положеніе современныхъ государствъ, и такъ воруженныхъ, что называется до зубовъ, заставляетъ эти государства бѣшено перегонять другъ друга въ размѣрахъ вооруженія и тѣмъ самымъ искусственно увеличивать самую возможность столкновеній между ними. Буржуазные классы населенія разныхъ странъ Европы бѣшено гоняются другъ передъ другомъ за внѣшними рынками, колоніями, гдѣ они могли бы сбывать всѣ произведенные на ихъ родинѣ неимущими классами товары, втягиваются въ силу этого въ войны, раззоряющія народныя массы на ихъ родинѣ, но имъ самимъ дающія возможность дальнѣйшаго обогащенія на счетъ завоеванныхъ и порабощенныхъ малокультурныхъ и, слѣдовательно, легче поддающихся эксплоатаціи азіатскихъ и африканскихъ народовъ...

Отсюда видно, что и войско и флотъ, на которые въ громадныхъ размѣрамъ тратятся народныя деньги, служатъ исключительно интересамъ правящихъ классовъ.

На ряду съ охраненіемъ власти господъ государственная власть другою, не менѣе важною цѣлью ставитъ себѣ охранять имущіе классы въ ихъ имущественныхъ интересахъ и содѣйствовать тому, чтобы эти права были возможно выгоднѣе для нихъ. Этой цѣли служитъ значительнѣйшая часть гражданскаго и уголовнаго права (главная часть всѣхъ законовъ, всей такъ называемой юстиціи) и такъ называемое внутреннее управленіе (или, какъ говорятъ, администрація). Здѣсь инте-

ресы имущихъ сливаются въ одинъ великій однородный потокъ, индивидуальные (личные, отдѣльные) интересы превращаются въ классовые.*) Какъ армія и флотъ защищаютъ и расширяютъ внѣшнее могущество имущихъ классовъ, такъ законы (юстиція) и администрація (разныя правительственныя учрежденія и установленія) защищаютъ интересы этихъ классовъ внутри государства. Всѣ законы и учрежденія въ большей своей части какъ бы охраняютъ отношенія между имущими и неимущими**). Далѣе, государственная власть ведетъ финансовое управленіе, собираетъ съ народа налоги, вводитъ другія мѣропріятія, дающія матеріальныя средства,—и всѣ собираемыя деньги идутъ прежде всего на флотъ и войско, на содержаніе чиновниковъ и судей,—и, значитъ, опять таки, всѣ денежныя заботы направлены на благо имущаго меньшинства. И лишь незначительная доля государственныхъ доходовъ тратится на интересы имущихъ массъ. Къ этимъ затратамъ относится содержаніе школъ для народа, больницъ, санитарныхъ учрежденій и нѣкоторыхъ другихъ. Но въ школахъ государственная власть стремится привить дѣтямъ патріотическія чувства, т. е. иначе говоря, ставитъ себѣ цѣлью вселить во всѣхъ гражданахъ прочное убѣжденіе, что они должны жертвовать имуществомъ и жизнью ради государства, а это на повѣрку выходитъ—ради интересовъ и власти все тѣхъ же имущихъ классовъ. Насколько неоснователенъ и ложенъ такого рода патріотизмъ, видно хотя бы изъ слѣдующаго примѣра. До основанія единаго германскаго государства, существовало множество крупныхъ и самыхъ мелкихъ германскихъ государствъ, княжествъ, королевствъ, герцогствъ и пр. И тогда каждый долженъ былъ быть патріотомъ своего маленькаго отечества: житель герцогства нассаускаго считалъ своимъ внѣшнимъ врагомъ жителя княжества гессенскаго. Былъ, такимъ образомъ, патріотизмъ нассаускій, гессенскій и даже такой, который охватывалъ отечество размѣромъ не болѣе провинціальнаго города съ его окрестными деревнями. Но вотъ германская имперія въ 1871 г. объединила всѣ эти

---

*) И про всѣ эти законы буржуазныхъ государствъ Лассаль справедливо выразился, что буржуазное государство съ его законами и дѣятельностью играетъ лишь роль ночного будочника, охраняющаго спокойствіе почивающихъ на богатствахъ господъ.

**) Менгеръ: «Новое ученіе о государствѣ», изд. Поповой, стр. 26

мелкія государства въ одно цѣлое,—и всѣ эти маленькія и многочисленные патріотизмы должны были исчезнуть и замѣниться однимъ патріотизмомъ германской имперіи.

Это ложное чувство патріотизма, прививаемое въ школахъ, поддерживаемое такъ называемымъ общественнымъ мнѣніемъ, особенно нужно государственной власти для оправданія и осуществленія своихъ завоевательныхъ стремленій по отношенію къ другимъ государствамъ. Международныя отношенія современныхъ государствъ опредѣляютъ собою одну изъ наиболѣе темныхъ сторонъ нашихъ общественныхъ порядковъ. Если во внутренней жизни истинное ненормальное положеніе вещей остается скрытымъ при помощи разныхъ ухищреній и оправданій, то во внѣшней политикѣ принято совсѣмъ ужъ не стѣсняться и не скрывать своихъ истинныхъ намѣреній. Намѣренія эти хищническія и хищническимъ языкомъ о нихъ такъ прямо и толкуютъ: «Англія-де хочетъ захватить у Россіи то-то; Франція желаетъ воспользоваться труднымъ положеніемъ Италіи и урвать гдѣ-нибудь себѣ болѣе или менѣе лакомый кусокъ» и т. д. въ томъ же родѣ. Всѣ государства открыто находятся въ состояніи постоянной борьбы, которая въ военное время ведется грубой силой, а въ мирное—хитростью (это называется дипломатіей), подсиживаніемъ, подставленіемъ ножекъ и т. д. «Все то, что въ частной жизни считается отвратительнымъ и позорнымъ, здѣсь дозволяется, и величайшимъ государственнымъ человѣкомъ считается тотъ, который лучше другихъ умѣетъ пользоваться средствами силы и хитрости во благо своей родины». Чтобы поддержать такія ненормальныя съ точки зрѣнія обыденной, мирной жизни людей отношенія къ другимъ государствамъ и народамъ,—и придумывается патріотизмъ. Подъ этимъ чувствомъ разумѣется обыкновенно преданность своей родинѣ и государству, всему народу, но не трудно, послѣ всего вышесказаннаго, увидѣть въ этомъ поддерживаемомъ всѣми средствами государственной властью чувствѣ скрытое требованіе преданности классовымъ и политическимъ интересамъ господствующихъ группъ. Государственная власть стремится, далѣе, поддерживать тѣ, а не иныя нравственныя понятія о томъ, что должно и что не должно дѣлать человѣку и члену общества вообще, тѣ, а не иныя религіозныя вѣрованія; она поддерживаетъ и распространяетъ тѣ, а не иныя ученія, науки и т. д. Прежде всего современный порядокъ, самъ основанный на грубомъ и голомъ эгоизмѣ,

считаетъ своимъ долгомъ узаконять и поддерживать этотъ самый эгоизмъ. «Собственность священна», говоритъ этотъ порядокъ (и очень чувствительно объ этомъ говоритъ....) Но вѣдь современная собственность, возникшая изъ захвата и завоеваній, увеличивается и накопляется безъ всякаго отношенія къ размѣрамъ человѣческихъ потребностей и къ роду накопляемой собственности; эта собственность знаменуетъ собою не только голый, грубый произволъ и эгоизмъ, но является источникомъ бѣдствій и страданій для массъ. Значитъ, говоря: «собственность священна», съ тѣмъ вмѣстѣ говорятъ: «святъ грубый эгоизмъ и святы, хороши всѣ вытекающія изъ него бѣдствія и страданія массъ»... Придумываются и извѣстныя нравственныя правила, которыя благопріятствуютъ интересамъ имущихъ классовъ. Въ то время, какъ законы исполняются принудительно, т. е. государственная власть караетъ за неисполненіе или нарушеніе законовъ, поведеніе, поступки людей, ихъ нравственныя и безнравственныя дѣянія въ извѣстной мѣрѣ принужденію закона не принадлежатъ. Но за то создается извѣстное общественное мнѣніе, которое дѣйствуетъ на людей и на ихъ поступки не менѣе принудительно, лишь одною силою боязни быть осужденнымъ этимъ общественнымъ мнѣніемъ. И это общественное мнѣніе опять таки поддерживаетъ тѣ именно нравственныя понятія, правила поведенія, которыя благопріятны интересамъ имущихъ классовъ и защищающему эти интересы государственному строю. Обыкновенно эти нравственныя понятія и правила поведенія обосновываются на повелѣніяхъ религіи, которая, въ случаѣ ихъ неисполненія, грозитъ временными и вѣчными карами божества. Но здѣсь удивительнымъ образомъ имущественные классы ведутъ себя непослѣдовательно. Сами они постепенно теряютъ вѣру въ разные религіозные догматы и повелѣнія, сами для себя все болѣе и болѣе замѣняютъ религію знаніемъ, наукой; для народа же—низшихъ и эксплоатируемыхъ массъ—они съ величайшимъ усердіемъ защищаютъ необходимость религіи, необходимость вѣры въ небесное царство, только для того, чтобы примирить массы съ поддерживаемымъ этими имущими классами адомъ и страданіями на землѣ. И если въ массахъ жило еще и живетъ чистое, безкорыстное, искреннее религіозное чувство, то благодаря такому вопіющему и возмущающему пристегиванію религіи къ защитѣ интересовъ имущихъ классовъ, это религіозное чувство съ каждымъ днемъ теряется

все болѣе и болѣе... И можетъ ли масса поступать иначе, если та религія, которую ей преподаютъ и заставляютъ исповѣдывать, такъ неприкрыто защищаетъ интересы богатыхъ и властвующихъ классовъ?... Наука и здѣсь старается, какъ мы уже видѣли на примѣрѣ историческаго и органическаго ученія о государствѣ, находить и поддерживать тѣ именно истины, которыя наиболѣе покровительствуютъ современнымъ порядкамъ. Въ ученіи о хозяйственной дѣятельности народа (такъ называемой политической экономіи) буржуазные ученые на всѣ лады, всѣми средствами, всѣми допустимыми и недопустимыми, самыми нелѣпыми способами доказательствъ доказываютъ, что современный капиталистическій порядокъ, существованіе частной собственности и эксплоатація наемнаго труда народныхъ массъ, есть единственный нормальный, правильный, естественный строй, что онъ вѣченъ и неизмѣненъ, что безумцы тѣ, кто думаетъ, вѣритъ, тѣмъ болѣе стремится измѣнить этотъ божественный, отъ вѣка установленный и предопредѣленный строй! Такъ все, флотъ, войско, юстиція, администрація, полиція, народное образованіе, поддерживаемая религія, мораль (т. е. нравственныя правила поведенія), наука, даже искусство направлены главнымъ образомъ къ оправданію, поддержанію и защитѣ существующаго государственнаго строя, который въ свою очередь направленъ весь къ поддержанію интересовъ имущихъ и господствующихъ классовъ населенія.

ГЛАВА III.

Государство будущаго.

Мы разсмотрѣли государство въ его возникновеніи, въ его прошломъ и настоящемъ. Обратимся теперь къ государству будущаго. Что это значитъ: государство будущаго? Долженъ ли измѣниться и дѣйствительно ли измѣнится нынѣ существующій государственный строй? А если онъ плохъ, то нельзя ли и совсѣмъ обойтись безъ государства? Вотъ какіе вопросы намъ нужно разобрать раньше, чѣмъ мы приступимъ къ описанію того, какимъ явится или должно явиться государство будущаго. Долженъ ли дѣйствительно измѣниться существующій государственный и общественный строй? На этотъ вопросъ мы уже цѣликомъ почти отвѣтили раньше... Развѣ

изъ разсмотрѣнія того, какимъ образомъ возникло, основалось и какимъ продолжаетъ быть до сихъ поръ государство, не достаточно ясно, что въ такомъ видѣ, какимъ государство является теперь, оно существовать долго не можетъ?.. Вѣдь изъ всѣхъ поръ, изъ всѣхъ расщелинъ этого общества (которымъ нѣсть числа) такъ и зіяютъ самыя больныя, вопіющія язвы неравенства, гнета, подчиненія большинства меньшинству. И съ каждымъ днемъ, чѣмъ все далѣе, тѣмъ болѣе, становится до боли очевиднымъ, что такіе порядки не могутъ долго продолжаться; сами имущіе и господствующіе классы начинаютъ чувствовать себя не совсѣмъ покойно, ибо всюду глаза наталкиваются на нищету, страданія, крики боли, повальныя болѣзни и т. д. И государственная власть начинаетъ врачевать, замазывать гноящіяся раны. Съ половины XIX вѣка начинаютъ заботиться и о массахъ, страданія которыхъ къ этому времени начинаютъ слишкомъ кричать о себѣ... Вводятъ нѣкоторые законы для ограниченія вопіющей эксплоатаціи (какъ 18-ти часовой рабочій день, невозможныя условія работы, скученныя жилища и т. д.). Возникаетъ такъ называемое рабочее законодательство, начинаютъ болѣе заботиться о народномъ здравіи (болѣе изъ страха имущихъ классовъ передъ собственной заразой), о рабочихъ жилищахъ, расширяется народное образованіе; рабочимъ массамъ рано или поздно даютъ легальную (т. е. законную) возможность соединяться въ различныя общества взаимопомощи и профессіональные союзы для защиты своихъ интересовъ, поскольку эти интересы, конечно, не враждебны всему существующему строю... Но гной все же сочится, ибо болѣзнь лѣчится не въ корнѣ... Сколько бы ни устраивались разные профессіональныя союзы, общества и кассы взаимопомощи, нищета массъ остается въ томъ же размѣрѣ и даже увеличивается, безработица, и, значитъ, голодъ, а отсюда и тифъ и другія повальныя болѣзни существуютъ по прежнему; громадныя богатства и блага продолжаютъ попадать не въ руки тѣхъ, кто надъ ними въ крови и потѣ лица своего трудится и погибаетъ... И такъ какъ это подчеркнутое нами явленіе есть главная коренная болѣзнь, первоисточникъ всѣхъ бѣдъ въ современномъ обществѣ и государствѣ, то только съ излѣченіемъ этой болѣзни, съ уничтоженіемъ имущественнаго неравенства, частной собственности на орудія и средства производства, дающей воз-

можность незначительному меньшинству присваивать труды большинства,—уничтожатся нищета и всѣ страданія народныхъ массъ. Взяться за излѣченіе этой болѣзни имущіе классы боятся да и не хотятъ, ибо это не въ ихъ интересахъ. Но за то сильно и энергично и, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сознательно хотятъ и стремятся излѣчить эту болѣзнь неимущіе и страдающіе классы. И этихъ желаній, этихъ стремленій трудящихся массъ не могутъ не видѣть имущіе классы А главное, сама жизнь, сама сила, сами современные экономическіе порядки своей неорганизованностью (несвязанностью), порождающей кризисы, безработицу, раззоряющей мелкихъ и среднихъ капиталистовъ, принуждающей вести въ погонѣ за рынками раззорительныя войны,—сами эти капиталистическіе порядки говорятъ, прямо кричатъ о своей ненормальности и сами толкаютъ къ ихъ собственному измѣненію. И вотъ отдѣльныя лица изъ буржуазной среды все болѣе и болѣе вынуждаются жизнью къ признанію, что капиталистическіе порядки ненормальны и должны быть измѣнены... если не въ цѣломъ, то въ части, а если ужъ въ цѣломъ, то какъ-нибудь постепенно, мирно, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ... Но такъ или иначе, это признаніе ненормальности вырывается жизнью все чаще и чаще изъ среды самихъ имущихъ классовъ. Неимущія же массы ставятъ себѣ своей главной цѣлью коренное (радикальное) измѣненіе существующаго строя,—и это движеніе все растетъ и растетъ. Въ началѣ и особенно въ концѣ первой половины XIX вѣка появляются отдѣльныя лица, которыя, критикуя нынѣшній, буржуазно-капиталистическій строй, намѣчаютъ—кто болѣе, кто менѣе подробно—какимъ долженъ стать новый, преобразованный общественный порядокъ будущаго. Возникаютъ ученія о будущемъ государствѣ, которое все чаще и чаще начинаютъ называть соціалистическимъ, т. е. установляющимъ и обезпечивающимъ имущественное и прочее равенство всѣхъ. И самыя ученія получаютъ названія соціализма. Всѣ соціалистическіе писатели доказываютъ неизбѣжность измѣненія существующаго строя, подробно разбираютъ способы и средства этого измѣненія. Всѣ доказательства настолько научны и неопровержимы, такъ часто подтверждаются самой жизнью, что ихъ идеи начинаютъ постепенно влiять не только на массы (эти послѣдніе очень быстро воспринимаютъ ихъ и дѣлаютъ своими), но и на другіе классы населенія. И убѣжденіе въ

неизбѣжности и необходимости радикальнаго измѣненія настоящихъ несправедливыхъ общественныхъ порядковъ становится достояніемъ очень широкихъ круговъ, почти всѣхъ слоевъ населенія. Поэтому останавливаться болѣе на вопросѣ о необходимости и неизбѣжности измѣненія нынѣшняго государственнаго и общественнаго строя нѣтъ нужды: отвѣтъ лишь можетъ быть одинъ—утвердительный. Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію и описанію сущности и характера будущаго строя, намъ необходимо немного остановиться на вопросѣ: нужно ли государство вообще, если оно такъ плохо выполняло и выполняетъ до сихъ поръ интересы народа, трудящихся массъ. На этотъ вопросъ нѣкоторые даютъ совершенно отрицательный отвѣтъ: государство должно быть совсѣмъ уничтожено. Такое отрицательное отношеніе къ государству вообще называется анархизмомъ.

ГЛАВА IV.

Анархизмъ.

Анархизмъ возникъ, какъ ученіе, также въ XIX вѣкѣ; онъ безпощадно критикуетъ и осуждаетъ современный государственный и общественный строй, находя, что въ основѣ его, какъ и въ основѣ всякаго государственнаго строя, лежитъ колоссальная масса гнета, насилія, сплошного принужденія и страданія. Поэтому государство, какъ извѣстная форма связи людей, должно быть уничтожено. Люди должны стать свободными вообще и свободными отъ всякихъ принужденій со стороны государства или общества въ особенности. Свободная воля, свободное стремленіе человѣка сами подскажутъ ему, какъ удовлетворить ихъ, въ какую связь вступить съ другимъ человѣкомъ. Пока будетъ длиться воля, желаніе людей быть и жить вмѣстѣ для выполненія добровольно, по взаимному соглашенію, предпринятой цѣли: будь то совмѣстное производство продуктовъ жизни, совмѣстная борьба съ природой и т. д.,—до тѣхъ поръ и будетъ существовать извѣстная связь этихъ людей, объединенная группа, общество, какъ хотите, называйте... Но вотъ поставленная цѣль достигнута, нѣтъ больше причинъ быть вмѣстѣ,—и общество, группа не должна принуждать ея временныхъ членовъ продолжать оставаться

въ ней: группа, исполнивъ свое назначеніе, теряетъ, какъ группа, свой смыслъ — она должна распасться, и ея члены могутъ уйти отъ нея, куда имъ заблагоразсудится. Такъ въ будущемъ, учитъ анархизмъ, люди будутъ свободно сходиться, устраивать временные союзы и такъ же свободно расходиться, не скованные цѣпями государственнаго или общественнаго принужденія. Анархисты указываютъ, что даже въ нашемъ опутанномъ всякими законами и принужденіями строѣ, есть не мало явленій анархистскаго характера. Напримѣръ, цѣлая область частныхъ отношеній людей между собой лишена всякаго принужденія: какъ знакомство и сближеніе между собою, частные союзы, и т. д.,—и люди, несмотря на то, что надъ ними не виситъ мечъ закона, суда и наказанія, живутъ межъ собою мирно, не рѣжутъ другъ другу горла. А возьмите отношенія цѣлыхъ государствъ между собою: правда, еще и теперь между ними ведутся кровавыя войны, но онѣ съ каждымъ десятилѣтіемъ становятся вся рѣже и рѣже. И нынѣшнее сожительство государствъ нельзя и сравнивать съ средневѣковымъ состояніемъ. Все чаще и чаще недоразумѣнія и столкновенія между государствами разрѣшаются мирно, путемъ третейскаго разбирательства, взаимныхъ уступокъ и т. д. А вѣдь къ такому мирному образу дѣйствій и отношеній никто, никакой законъ, никакая надо всѣми ними еще выше стоящая государственная власть не принуждаетъ. Почему же не допустить, что такое же мирное сожительство будетъ происходить и между группами, общинами, на которыя можетъ распасться все населеніе одного государства, что не будетъ принуждающихъ законовъ, раззорительныхъ тратъ на государственное войско, администрацію, суды, полицію и пр. и пр.—и все же маленькіе добровольные свободные и временные союзы людей будутъ такъ же мирно и успѣшно выполнять человѣческія цѣли, какія выполняются теперь громаднымъ, насильственно навязаннымъ, давящимъ всѣхъ государственнымъ строемъ. Но является важный вопросъ: смогутъ ли маленькіе группы, общины, союзы людей, къ тому же ничѣмъ не сдерживаемые въ своемъ распаденіи,—смогутъ ли они удовлетворять безъ помощи обширнаго цѣлаго, т. е. государства, всѣмъ человѣческимъ нуждамъ; смогутъ ли они вести ту разросшуюся хозяйственную дѣятельность, которую, казалось до сихъ поръ, въ состояніи выполнить опять таки лишь цѣлое и постоянное государство?.. На эти вопросы анархизмъ даетъ утвердитель-

ный отвѣтъ: «Да, смогутъ...» Свободное состоянiе, отсутствiе государственнаго принужденiя вовсе не предполагаетъ, что люди потому самому будутъ бродить, какъ пустынники. Если выгода отъ совмѣстной хозяйственной дѣятельности велика,— люди и будутъ сходиться, связываться, договариваться въ союзы,—и эти союзы, если того требуетъ самый характеръ хозяйственной дѣятельности, будутъ существовать и не день и не годъ, а очень долго; но самое то важное въ немъ—это то, что союзъ устроенъ свободно, дѣйствуетъ свободно, по взаимному согласiю, а не удерживаетъ, если кому либо въ немъ не понравится жить. Итакъ, могутъ существовать свободныя общины и въ то же время осуществлять всѣ великiя человѣческiя цѣли. Анархисты, ближе опредѣляя цѣли, ради которыхъ люди должны будутъ сходиться въ общины и союзы и сговариваться насчетъ совмѣстной дѣятельности, находятъ, какъ и соцiалисты для будущаго государства, что главною цѣлью и заботой явится совмѣстная хозяйственная дѣятельность, добыванiе матерiальныхъ средствъ къ жизни. При чемъ, здѣсь одни, болѣе раннiе анархисты предполагаютъ, что сохранится частная собственность и частное хозяйство, т. е. на ряду съ общинами, съ ихъ общественностью и совмѣстной работой, отдѣльныя лица смогутъ вести отдѣльное хозяйство на своей собственной землѣ, своими собственными орудiями и матерiалами. Наоборотъ, позднѣйшiе анархисты учатъ о томъ, что собственность на средства производства во всякомъ случаѣ не должна принадлежать отдѣльнымъ лицамъ, а отдаваться въ руки цѣлыхъ союзовъ и общинъ. Раннiе анархисты только ополчались на государство и не придумывали никакихъ новыхъ формъ общежитiя. Такъ, напримѣръ, Годвинъ (англичанинъ, жившiй въ началѣ XIX вѣка), осуждая современное государство, желалъ сохранить частное хозяйство и частную собственность и затѣмъ требовалъ, чтобы имущество дѣлилось поровну между членами общества, иными словами, каждый долженъ былъ во всякую минуту быть готовымъ отдать часть своего имущества ближнему, если этотъ послѣднiй почему либо нуждался въ этомъ.

Прудонъ (французъ, дѣйствовавшiй въ первой половинѣ XIX вѣка) также предполагалъ частную собственность и частное хозяйство, но рекомендовалъ основанiе народнаго банка, который выдавалъ бы всѣмъ безпроцентныя ссуды; эти ссуды помогали бы каждому завести необходимыя для его труда

средства производства. Такой порядокъ вещей, по мнѣнію Прудона, неизбѣжно, рано или поздно, уничтожилъ бы противоположность между богатыми и бѣдными. Новѣйшій анархизмъ не только предполагаетъ групповую общинную собственность, общинное производство, но и совмѣстное распредѣленіе благъ, предметовъ потребленія. Причемъ одна группа анархистовъ (Бакунинъ, Мостъ и ихъ послѣдователи) считаетъ, что средства потребленія и наслажденія должны распредѣляться общиной между всѣми членами ея сообразно съ количествомъ производимой каждымъ работы, иначе говоря, каждый долженъ будетъ получать весь результатъ своего труда. Другая группа анархистовъ, принадлежащая главнымъ образомъ новѣйшему времени, находитъ, что проведеніе въ жизнь этого права (на полный продуктъ своего труда) очень трудно, и, при отсутствіи государства, потребуются не легко вводимыя организаціи; поэтому въ анархистскомъ обществѣ каждый можетъ получать существующія средства наслажденія по мѣрѣ потребностей, и только въ случаѣ недостаточнаго количества ихъ, должно имѣть мѣсто (произойти) распредѣленіе, которое, разумѣется, будетъ происходить не безъ затрудненій. Точно также количество и родъ предоставляемой работы предоставляется усмотрѣнію самихъ участниковъ, что съ необходимостью вытекаетъ изъ самой сущности строя, лишеннаго государственности. Таковы главнѣйшія ученія анархизма. На разборѣ этихъ ученій мы останавливаться не будемъ. Приведемъ лишь нѣкоторыя изъ возраженій противъ анархизма, выставляемыя Менгеромъ.

«Если представить себѣ этотъ переворотъ всего существующаго (Менгеръ имѣетъ въ виду насильственное отобраніе у частныхъ владѣльцевъ ихъ собственности), равнаго которому не видѣлъ міръ, осуществимымъ, то сейчасъ же возникаетъ на первомъ планѣ вопросъ, какимъ образомъ при отсутствіи государства и закона, громадныя количества благъ будутъ распредѣляться между безчисленными, свободно формирующимся группами, какимъ образомъ общество сможетъ выполнить безконечное разнообразіе хозяйственныхъ заботъ. Ибо, кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что всѣ анархистскія группы устремятся въ наиболѣе плодородныя поля, наилучше устроенныя фабрики, въ наиболѣе здоровыя и удобныя жилища, даже и въ томъ случаѣ, если мы предположимъ полное нравственное перерожденіе человѣчества подъ вліяніемъ идей

анархизма. Точно также ясно, что, при полной свободѣ выбора профессій, плодоводство, цвѣтоводство, музыка и другія здоровыя и пріятныя прсфессіи привлекутъ къ себѣ большое число желающихъ, и, напротивъ, грязныя и нездоровыя работы—напр, очистка улицъ и каналовъ, фабрикація спичекъ —совсѣмъ не найдутъ ихъ. Большинство теоретиковъ анархизма отвѣчаетъ на эти основные вопросы только нѣсколькими общими фразами»... И далѣе: «конечно, въ анархистскомъ обществѣ не будетъ имѣть мѣсто концентрація (скопленіе) земли и капитала въ рукахъ немногихъ предпринимателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ главнѣйшая причина экономическаго угнетенія, но всѣ другіе элементы духовнаго и экономическаго превосходства останутся. Прежде всего, наиболѣе крупныя и хорошо управляемыя группы, особенно занятыя производствомъ и распредѣленіемъ средствъ существованія и другихъ необходимыхъ продуктовъ, очень скоро достигнутъ положенія, сходнаго съ положеніемъ современныхъ предпринимателей, результатомъ чего явится стремленіе массъ къ водворенію того или иного государственнаго строя». Такъ должно случиться именно потому, что, по мнѣнію Менгера, государство неизбѣжно возникаетъ тамъ, гдѣ имѣется на лицо имущественное неравенство одной части (или группы) населенія передъ другой. «Не нужно забывать, — говоритъ онъ—что все зло, вытекающее для массъ изъ современнаго строя, заключается не въ государствѣ и не въ законѣ, взятыхъ отдѣльно, самихъ въ себѣ, но въ томъ соотношеніи силъ (т. е. въ томъ имущественномъ неравенствѣ частей или группъ населенія), которое господствуетъ надъ тѣмъ и другимъ» (надъ государствомъ и закономъ)...

ГЛАВА V.

Соціалистическое государство.

Мы уже говорили выше, что соціализмъ, какъ ученіе, съ одной стороны—о необходимости и неизбѣжности радикальнаго преобразованія существующаго государственнаго и общественнаго строя и,—съ другой стороны, какъ ученіе о характерѣ и формахъ будущаго, преобразованнаго государства,—возникалъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ развивались и

раскрывались—съ одной стороны,—недостатки общественныхъ порядковъ и отношеній, и съ другой—возрастало недовольство и движеніе противъ этихъ недостатковъ обездоленныхъ массъ. Первые соціалисты болѣе сосредоточиваются на критикѣ и безпощадномъ осужденіи существующихъ общественныхъ порядковъ и очень путанно представляютъ себѣ строй будущаго. А главное, большая часть ихъ (какъ Сенъ Симонъ, Овенъ и нѣкоторые другіе) вѣритъ, что однимъ убѣжденіемъ, однимъ указаніемъ имущимъ и властвующимъ классамъ на вопіющіе недостатки можно будетъ уже достигнуть добраго согласія этихъ имущихъ классовъ на измѣненіе существующаго строя. Этихъ соціалистовъ принято обыкновенно называть утопистами, т. е. людьми, предлагавшими несбыточныя средства (какъ убѣжденіе словомъ и увѣщаніе къ осуществленію государства будущаго). Къ концу первой половины XIX вѣка являются такіе люди, какъ Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, которые, раскрывая законы развитія всякихъ общественныхъ порядковъ и отношеній, обнажая основы, на которыхъ зиждется современный, буржуазно-капиталистическій общественный строй, впервые научно и обоснованно показываютъ, куда неизбѣжно придетъ, въ силу самостоятельнаго, стихійнаго развитія всѣхъ его противорѣчій и недостатковъ, этотъ буржуазный порядокъ, и на какихъ основахъ онъ неизбѣжно долженъ быть преобразованъ. Причемъ, и самыя основы и самыя формы порядковъ будущаго государства разсматриваются болѣе опредѣленно и научно.

Прежде всего, почти всѣ соціалисты отвѣчаютъ, что связь людей въ видѣ государства сохранится и въ будущемъ, и значеніе государства даже чрезмѣрно увеличится въ сравненіи съ настоящимъ. Но великое различіе между государствомъ настоящаго и государствомъ будущаго заключается въ цѣляхъ и заботахъ, какія возьметъ на себя государство будущаго. Въ то время, какъ нынѣшняя государственная власть совершенно не вмѣшивается въ личную хозяйственную дѣятельность людей, совершенно не заботится о пропитаніи, одеждѣ, жилищѣ, словомъ, о доставленіи труда для массъ, для всего народа, совершенно предоставляетъ одной части населенія эксплуатировать (обирать) другую, самую значительную его часть, и лишь о томъ и заботится, для того и существуетъ, чтобы помогать имущимъ классамъ эксплуатировать неимущихъ,—государственная власть въ будущемъ общественномъ строѣ всецѣло возь-

метъ на себя прежде всего заботу о предоставленіи труда положительно всѣмъ, безъ исключенія, всецѣло возьметъ изъ рукъ частныхъ лицъ - предпринимателей въ свои руки все производство продуктовъ потребленія, а затѣмъ, и ихъ справедливое, одинаковое для всѣхъ гражданъ распредѣленіе. Первыя (какъ говорятъ, элементарныя) потребности—это достаточное питаніе, жилище, одежда, возможность семейной жизни, сохраненіе физическаго здоровья, разумный и достаточный отдыхъ, образованіе, и всѣ эти заботы, которыя въ нашемъ государствѣ лежали на плечахъ отдѣльныхъ лицъ (и говорили человѣку: «промышляй, какъ хочешь»), государство будущаго возьметъ на себя и поставитъ ихъ своей первой, самой насущной задачей. Государство впервые перестанетъ покровительствовать отдѣльнымъ классамъ и начнетъ заботиться объ интересахъ всѣхъ. Но для успѣшнаго выполненія заботы о благѣ всѣхъ государство должно будетъ изъять (уничтожить) собственность изъ рукъ отдѣльныхъ лицъ, изъ рукъ имущихъ классовъ, которые благодаря этой частной собственности и имѣли возможность эксплуатировать и обездоливать народныя массы,—и обратить эту частную собственность, т. е. всѣ земли, всѣ матеріалы, всѣ фабрики, заводы и прочія орудія и средства производства, въ собственность общественную, государственную, т. е. такую, которая принадлежитъ всѣмъ членамъ государства вмѣстѣ и никому въ отдѣльности. Съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо уничтожится и дѣленіе на классы, богатые и бѣдные, властвующіе и подчиненные. Собравъ въ свои руки всѣ блага и богатства, государство будетъ въ лицѣ, конечно, выборныхъ отъ всего народа разсчитывать, скажемъ, ежегодно всѣ потребности всѣхъ членовъ общества: сколько приблизительно нужно всѣмъ пищи, одежды, жилищъ и прочихъ предметовъ,—и соотвѣтственно съ размѣрами и количествомъ продуктовъ, необходимыхъ для достаточнаго удовлетворенія потребностей всѣхъ безъ исключенія, государство и распредѣлитъ и самое производство и количество труда, которое должно прійтись на каждаго члена. Причемъ высчитано, что при такомъ способѣ производства, когда обязательно будутъ трудиться всѣ, и самое производство будетъ направлено и организовано какъ можно болѣе экономно и цѣлесообразно, количество труда, которое каждый долженъ будетъ выполнять, сведется къ 4—6 часамъ ежедневно. Многіе предполагаютъ, что это количество труда съ теченіемъ времени значительно измѣнится

и дойдетъ до 2—3 часовъ въ день. Во всякомъ случаѣ, государство будущаго впервые дастъ вздохнуть свободно, расправить свои уставшія тысячелѣтіями спины—и введетъ трудъ, хотя и обязательный для всѣхъ, но трудъ легкій, здоровый и пріятный; оно впервые изъ тяготы и проклятія обратитъ трудъ въ удовольствіе и благодѣяніе. Такое государство по справедливости можно назвать истинно народнымъ, трудовымъ, рабочимъ государствомъ, впервые государство перестанетъ злоупотреблять именемъ народнаго или общественнаго блага, прикрывая имъ всякій гнетъ и насиліе, и дѣйствительно сдѣлаетъ это народное общее благо главной, единственной цѣлью своей дѣятельности. На первый взглядъ такіе порядки изстрадавшимся массамъ кажутся заманчивыми, слишкомъ много обѣщающими и потому самому несбыточными (излишней вѣрѣ въ лучшее будущее современный порядокъ не слишкомъ то способствовалъ)... Но вотъ что говоритъ объ этомъ Менгеръ: «Стремясь къ такому государственному строю, при которомъ общественное и всеобщее благо дѣйствительно сольются воедино, мы не думаемъ, что мы гонимся за пустыми призраками. Большинство народовъ и, между прочимъ, древнѣйшія германскія племена вышли изъ соціалистическаго общественнаго строя, и онъ былъ вытѣсненъ впослѣдствіи изъ народной жизни только насиліемъ, именно перевѣсомъ силы военныхъ элементовъ. Монтескье (французскій ученый второй половины XVIII вѣка) въ эпоху княжескаго абсолютизма съ полнымъ правомъ указалъ, что основы политической свободы могутъ быть найдены въ лѣсахъ Германіи; мы также можемъ сослаться противъ основаннаго на частной собственности культурнаго міра на то, что въ колыбели германскихъ и почти всѣхъ другихъ народовъ господствовалъ преимущественно соціалистическій строй, и что поэтому соціальное движеніе нашего времени есть только обратное требованіе древняго наслѣдства нашихъ предковъ» *).

Мы уже видѣли, что задачи хозяйственной дѣятельности и удовлетвореніе потребностей всѣхъ въ будущемъ народномъ рабочемъ государствѣ должны выступить на первый планъ. Классы будутъ уничтожены; воцарится равенство не только политическое и гражданское, но и имущественное, какъ гово-

*) Разумѣется не потому только государство будущаго возможно, что оно является лишь обратнымъ требованіемъ древняго наслѣдства нашихъ предковъ. Но важно хотя бы и это мнѣніе Менгера.

рятъ, экономическое и соціальное. Но спрашивается, не пріобрѣтетъ ли государство или, лучше сказать, лица, стоящія у государственной власти, благодаря величайшему расширенію ихъ дѣятельности и вліянію на судьбы всѣхъ, такую власть, такое положеніе, которое заставитъ ихъ рано или поздно выдѣлиться изъ среды остальной массы рядовыхъ членовъ общества, обособиться въ отдѣльную, всѣхъ выше стоящую группу. Словомъ, не грозитъ ли и будущему обществу опасность возникновенія новаго привилегированнаго, правящаго класса, который интересы правленія, власти поставитъ во враждебное отношеніе къ интересамъ массъ и начнетъ злоупотреблять этой властью, отодвинувъ заботы о хозяйственныхъ благахъ, о благѣ всѣхъ на задній планъ, и проч. и проч. Казалось бы, что отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ былъ бы быть отрицательный уже потому, что вѣдь самая то государственная власть, управляющія лица въ будущемъ государствѣ будутъ выборными отъ всего народа. Полномочія ихъ могли бы простираться не надолго, и опасеніямъ о злоупотребленіяхъ правящими лицами властью не должно бы быть мѣста... Но Менгеръ, напримѣръ, думаетъ иначе и считаетъ, что противоположность между культурными (т. е. хозяйственными и прочими) цѣлями и цѣлями власти скрываетъ въ себѣ большія опасности также и для народнаго рабочаго государства. «Исторія показываетъ,— говоритъ онъ (стр. 61),—что даже въ несомнѣнно демократическихъ организаціяхъ въ концѣ концовъ изъ нѣдръ простого народа подымался привилегированный классъ, ставившій своей главной цѣлью достиженіе власти и господства. Такъ, напр., христіанство было первоначально чисто демократической организаціей, единственная цѣль которой заключалась въ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей своихъ членовъ. Но какъ только преемники Константина I сдѣлали его господствующей религіей въ IV вѣкѣ, въ римскомъ государствѣ, въ немедленно развившейся за это время церковной іерархіи (т. е. въ подчиненныхъ и одна надъ другой выше стоящихъ группахъ) пробудились стремленія къ власти. Эти стремленія, по крайней мѣрѣ въ высшихъ сферахъ церкви, начали постепенно оттѣснять на задній планъ первоначальныя религіозныя цѣли, и въ средніе вѣка мы видимъ уже во главѣ церковной іерархіи папу, заявляющаго свои претензіи на высшее руководительство всѣми христіанскими народами. Наконецъ, въ настоящее время папа продолжаетъ еще сохранять свое значеніе важнѣйшаго князя

христіанства въ то время, какъ его епископы и кардиналы соперничаютъ изъ за власти и ранга (чина и положенія) съ высшими ступенями прирожденной аристократіи... Было бы легкомысліемъ думать, что народное рабочее государство легко можетъ избѣжать такого положенія вещей; оно тѣмъ возможнѣе и тѣмъ опаснѣе, что народному государству совершенно чужды сверхчувственное бытіе (т. е. загробное существованіе) и связанные съ нимъ (вытекающіе изъ этой надежды) мотивы (побужденія) человѣческой дѣятельности... Судя по всѣмъ историческимъ аналогіямъ (сходнымъ примѣрамъ), приходится думать, что если въ народномъ рабочемъ государствѣ возникнетъ независимая отъ народа іерархія (т. е. состоящая надъ народомъ власть), то интересы власти очень скоро оттѣснятъ на задній планъ культурныя потребности народныхъ массъ въ такой же степени, какъ и въ современномъ обществѣ. Едва ли можно будетъ когда нибудь вполнѣ избѣжать этой опасности... Во всякомъ случаѣ можно признать, что могущественнѣйшимъ средствомъ противъ высокомѣрія и властолюбія господствующихъ классовъ можетъ служить широкое распространеніе въ массахъ народа убѣжденія, что руководительство правящихъ классовъ и группъ имѣетъ, въ послѣднемъ счетѣ, очень незначительную абсолютную цѣнность. Массы должны твердо помнить, что всякая «провиденціальная личность» (т. е. намѣченная якобы судьбою для великихъ цѣлей) воспитана матеріальными средствами своихъ согражданъ, кромѣ того, черпаетъ свои силы изъ духовнаго запаса своего времени, и что, съ другой стороны, успѣхъ ея дѣятельности всецѣло зависитъ отъ поддержки и сочувствія окружающаго общества. Подобный трезвый взглядъ на обусловленность (зависимость, подчиненность) всѣхъ индивидуальныхъ, личныхъ дѣйствій—сильно распространенъ въ сферѣ науки, искусства и литературы (и особенно подчеркивается соціалистическимъ ученіемъ Маркса и Энгельса). Напротивъ, воспитанныя на традиціяхъ (привычкахъ) насильственнаго индивидуалистическаго государства, массы очень склонны приписывать чрезмѣрное значеніе дѣятельности государственныхъ людей и полководцевъ; а съ другой стороны, эти дѣянія болѣе, чѣмъ какія либо иныя, подвергаются насмѣшкамъ и осужденію общественнаго мнѣнія, какъ скоро ихъ постигла неудача. Но мы думаемъ, что съ распространеніемъ среди широкихъ массъ народа этихъ демократическихъ идей исчезнетъ склонность переоцѣнивать заслуги руководящихъ личностей или относить эти

заслуги на ихъ личный счетъ... И такъ какъ этотъ вопросъ касается самыхъ основъ народнаго рабочаго государства, то его прямой и непремѣнной обязанностью будетъ привить народнымъ массамъ, путемъ цѣлесообразнаго воспитанія, эти справедливыя идеи о значеніи и условіяхъ возникновенія «провиденціальныхъ личностей». Мы, по крайней мѣрѣ, убѣждены, что выработка критическаго отношенія къ политической и военной исторіи и устраненіе слѣпого почитанія героевъ совершенно устраняетъ изъ жизни не самихъ героевъ,—они будутъ всегда—а ихъ высокомѣріе и властолюбіе»...

Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ, насколько основательны или неосновательны опасенія Менгера насчетъ выдѣленія и господства власти въ будущемъ народномъ рабочемъ государствѣ. Отмѣтимъ лишь великую справедливость и правильность взгляда Менгера на роль отдѣльной личности, государственныхъ дѣятелей и правящихъ группъ и на необходимость распространенія и воспитанія въ массахъ такого отношенія къ правящимъ, хотя и выбраннымъ самимъ народомъ, группамъ; и такое отношеніе во всякомъ случаѣ, на ряду со многими другими затрудняющими условіями, предупредитъ поползновенія, если таковыя возникнутъ, со стороны правящихъ группъ къ злоупотребленію властью и своимъ выдающимся положеніемъ.

За этимъ вопросомъ объ опасности выдѣленія въ будущемъ народномъ рабочемъ государствѣ власти, съ ея старыми насильническими замашками, является другой, не менѣе важный вопросъ. Современный порядокъ вещей покоится на грубомъ, голомъ эгоизмѣ. Здѣсь вездѣ и всюду, говоря латинской пословицей, человѣкъ человѣку волкъ... Чувства любви къ другимъ людямъ, къ человѣчеству распространены крайне незначительно и не играютъ въ современной жизни сколько нибудь выдающейся роли: если происходитъ какое либо измѣненіе къ лучшему, то не въ силу доброй воли тѣхъ, отъ кого это измѣненіе зависѣло бы, а въ силу принужденія самой впередъ идущей жизни... А межъ тѣмъ будущее народное государство должно получить такое устройство, при которомъ на первый планъ, какъ главный, скрѣпляющій элементъ, должно будетъ выступить чувство любви къ людямъ, готовность дѣлиться своимъ, подчиняться требованіямъ общихъ интересовъ. Откуда возьмутся эти чувства? Одни соціалисты учатъ, что учрежденія народнаго рабочаго государства должны съ самаго начала основываться на чувствахъ солидарности и братства, причемъ

предполагается, что самыя эти учрежденія будутъ способствовать развитію этого чувства. Другая группа соціалистовъ вовсе не страшится присущаго человѣку чувства эгоизма, но полагаетъ, что будутъ созданы такія учрежденія, которыя ограничатъ возможность проявленія эгоизма, и, по крайней мѣрѣ, введутъ его въ такія рамки, при которыхъ онъ не сможетъ вредить интересамъ общества и отдѣльныхъ лицъ.

Достаточно доказано, что человѣкъ отъ природы ни добръ ни золъ: добрымъ или злымъ его дѣлаютъ окружающія матеріальныя и общественныя условія, порядки. Если человѣкъ отъ нихъ страдаетъ, терпитъ или унижается, онъ поневолѣ будетъ на все и всѣхъ смотрѣть волкомъ и искать случая отомстить, сорвать злобу, часто даже невѣдомо кому, невѣдомо на комъ... Нищета и угнетеніе порождаютъ всѣ пороки, всѣ отрицательныя чувства и свойства человѣка. Уничтожьте нищету и угнетеніе, обезпечьте всѣхъ легкимъ, здоровымъ и пріятнымъ трудомъ, создайте для всѣхъ одинаковыя условія матеріальнаго благополучія и общественнаго положенія, дайте всѣмъ образованіе,—и исчезнутъ всѣ пороки, и исчезнетъ озлобленіе, эгоизмъ, корыстолюбіе, зависть, чванство, спесь, стремленіе выдѣляться надъ другими богатствомъ, чиномъ, властью: во всѣхъ этихъ старыхъ, отвратительныхъ, отталкивающихъ чувствахъ люди новаго государственнаго порядка потеряютъ смыслъ и вкусъ. Словомъ, съ матеріальнымъ достаткомъ и равнымъ со всѣми остальными положеніемъ въ обществѣ исчезнутъ всѣ поводы ко всѣмъ этимъ отрицательнымъ чувствамъ. А наряду съ распространеніемъ среди всѣхъ образованія, культуры, высшихъ вкусовъ и потребностей, люди найдутъ въ себѣ болѣе благородныя, утонченныя и возвышенныя чувства, наклонности и стремленія,—и безъ всякихъ карающихъ законовъ, земныхъ или небесныхъ, безъ всякаго внѣшняго принужденія люди даже забудутъ о существованіи какого-то эгоизма, властолюбія, жестокости, забудутъ о старомъ мірѣ и волновавшихъ его земныхъ чувствахъ и даже перестанутъ понимать, какъ могла существовать такая юдоль земная, съ ея язвами, пороками, съ ея гнетомъ, нищетой и униженіемъ. Въ концѣ концовъ, важно всетаки понять, что соціалистическое общество и не будетъ ужъ такъ нуждаться во взаимной любви, въ самопожертвованіи, и проч. «Современное общество,—говоритъ Менгеръ (стр. 68)—въ которомъ широкія массы народа при-

носятъ величайшія жертвы ради блага немногихъ, не можетъ, конечно, не проповѣдывать возвышенной красоты жертвъ, служебнаго долга и патріотизма. Народное рабочее государство не нуждается въ подобной идеологіи (ученіи): если оно и не осуществитъ никогда полнаго равенства своихъ членовъ (Менгеръ, какъ увидимъ ниже, считаетъ невозможнымъ достиженіе полнаго матеріальнаго и общественнаго равенства всѣхъ членовъ), то, во всякомъ случаѣ, оно настолько сравняетъ ихъ соціальное положеніе, что каждый при новыхъ учрежденіяхъ сможетъ найти удовлетвореніе своихъ потребностей или интересовъ... Иными словами, я думаю, что въ народномъ рабочемъ государствѣ будутъ гораздо меньше говоритъ о добродѣтеляхъ самопожертвованія, о братствѣ, а гораздо больше о разумномъ уравненіи интересовъ.»

Члены современнаго государства не только насильно сдерживаются въ одномъ цѣломъ при помощи внѣшнихъ карающихъ законовъ, при помощи такъ называемаго права, но и религіи, а также и общественнымъ мнѣніемъ, т. е. нравственными понятіями, правилами поведенія, существующими и распространенными въ данномъ обществѣ. Эти нравственныя понятія, правила поведенія въ современномъ строѣ почти всецѣло держатся и обосновываются на велѣніяхъ религіи, изъ которыхъ имущіе классы дѣлаютъ могущественное орудіе для укрѣпленія и поддержанія своего господства. И это вполнѣ понятно. Никакія мірскія, земныя разсужденія и доказательства, будь они трижды якобы «научными» и «неопровержимыми», не могли бы убѣдить народныя массы въ необходимости и естественности всѣхъ золъ, бѣдствій, всей нищеты, униженій и неравенства, которыя эти массы испытываютъ отъ современныхъ порядковъ. Только ссылкой на то, что современный господствующій строй угоденъ Богу, имъ самимъ созданъ и имъ же поддерживается, имущіе классы въ состояніи оправдать, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ оправдывали, въ глазахъ массы этотъ строй, примирить ихъ съ нимъ. И въ средніе вѣка, вплоть до начала XIX вѣка дѣйствительно успѣваютъ въ этомъ, нельзя сказать, чтобы благородномъ, дѣлѣ оправданія и поддержанія господствующаго строя при помощи религіи... Но начиная съ XIX вѣка, съ развитіемъ научнаго знанія, все болѣе разрушавшаго всякіе предразсудки и постоянно проникавшаго въ массы, съ развитіемъ и обнаруженіемъ всѣхъ противорѣчій и всей несправедливости буржуазнаго капитали-

стическаго строя, съ возрастаніемъ недовольства массъ, религіозныя веленія, дѣйствительно, сдерживавшія и примирявшія съ господствовавшимъ строемъ, постепенно теряютъ свое вліяніе на эти массы. Въ будущемъ государствѣ религія, конечно, перестанетъ быть предметомъ эксплуатаціи для поддержанія и оправданія всѣхъ общественныхъ золъ и несправедливостей, ибо и самыя несправедливости перестанутъ существовать въ немъ. Религія, такимъ образомъ, перестанетъ служить тѣмъ насильственнымъ элементомъ, который сдерживаетъ членовъ современнаго общества отъ распаденія. Остается другой элементъ: общественное мнѣніе, тѣ или иныя распространенныя нравственныя понятія и правила поведенія. Эти, дѣйствительно останутся во всей силѣ въ будущемъ народномъ государствѣ и пріобрѣтутъ еще болѣе могущественное вліяніе. Но здѣсь нравственныя правила и понятія во многомъ перестанутъ быть тѣмъ, чѣмъ они были въ современномъ государствѣ. Большая часть ихъ также служила оправданію и поддержанію господствующихъ классовъ общества, поддерживала выгодные для этихъ классовъ предразсудки; въ будущемъ строѣ нравственныя понятія очистятся отъ всѣхъ этихъ примѣсей, будутъ основываться на безкорыстныхъ симпатіяхъ ко всему высокому и чистому, облагораживающему, смягчающему низшія человѣческія побужденія. Такое общественное мнѣніе, основанное на безкорыстныхъ, возвышенныхъ началахъ, дѣйствительно будетъ могущественно, и лучше всякихъ предразсудковъ сумѣетъ сдерживать всѣхъ членовъ общества въ одномъ государственномъ цѣломъ, сумѣетъ внушить дѣйствительную, неподдѣльную любовь къ обществу, государству, человѣчеству —и лучше всякой полиціи, всякаго войска, всякихъ карающихъ законовъ, всякихъ религіозныхъ велѣній будетъ поддерживать государство и нравственное чувство всѣхъ его членовъ.

Присмотримся теперь поближе къ тѣмъ основамъ, на которыхъ необходимо должно будетъ построиться будущее народное рабочее государство. Въ то время какъ въ современномъ индивидуалистическомъ или буржуазномъ государствѣ забота о хозяйственной дѣятельности для своего пропитанія и продолженія своего рода является частнымъ дѣломъ каждаго, государство будущаго впервые возьметъ эту частную заботу, изъ за которой страдали десятки и сотни милліоновъ людей,—на себя, и хозяйственно-экономическая дѣятельность, все производство (и, значитъ, распредѣленіе) благъ, предметовъ потребле-

нія, станетъ главной и единственной цѣлью дѣятельности этого будущаго государства. Необходимымъ средствомъ для осуществленія этой великой цѣли, какъ мы уже говорили выше, является переходъ частной собственности (всѣхъ земель, фабрикъ, заводовъ, матеріаловъ и орудій) въ руки государства, группъ и общественныхъ союзовъ. И этотъ переходъ къ общественной собственности государство должно будетъ осуществить тѣмъ или инымъ путемъ, не останавливаясь и передъ насильственнымъ отобраніемъ собственности изъ частныхъ рукъ нынѣшнихъ ея владѣльцевъ. Насильственное, принудительное отобраніе собственности не представитъ чего либо новаго и неслыханнаго въ исторіи. Достаточно доказано самой человѣческой исторіей и наукой, изучавшей эту исторію, что собственность съ самаго начала и до сихъ поръ была и продолжаетъ быть результатомъ, слѣдствіемъ насильственнаго захвата и вообще насилія. «Строй собственности въ европейскихъ культурныхъ государствахъ — говоритъ Менгеръ (стр. 96)— еще и въ настоящее время покоится въ своихъ главныхъ составныхъ частяхъ на насильственномъ захватѣ. По мѣрѣ того, какъ греки, римляне и германцы, послѣ продолжительныхъ странствованій, осаживались на постоянное мѣстожительство и затѣмъ начинали расширять его предѣлы, они повсюду приходили въ столкновенія съ уже осѣвшими племенами; результатомъ этихъ столкновеній являлся полный или частный насильственный захватъ территоріи побѣжденнаго народа. Такимъ образомъ, собственность, во всякомъ случаѣ первоначально, основана на насиліи. Но и позднѣе великіе политическіе перевороты сопровождались очень часто коренными переворотами въ отношеніяхъ собственности. Я напоминаю только, выбирая изъ безчисленныхъ примѣровъ наиболѣе извѣстные, о завоеваніи Англіи норманнами (въ 1066 г.), послѣ котораго норманны для упроченія своего господства отобрали у коренного населенія, саксовъ, громадную часть ихъ территоріи, о секуляризаціи (т. е. насильственномъ отобраніи государствомъ) церковныхъ имуществъ (особенно во время перехода отъ католичества къ протестанству), о громадныхъ земельныхъ отчужденіяхъ въ Богеміи послѣ битвы при Бѣлой Горѣ (въ 1162 г.) и, наконецъ, о конфискаціи (отобраніи) церковныхъ и эмигрантскихъ имуществъ великой французской революціи (1789 г.). И подобную связь между строемъ собственности и насиліемъ можно найти въ основѣ значительнѣйшей части нашей крупной зе-

мельной собственности, оказывающей такое рѣшающее вліяніе на всю законодательную и административную работу государства. Въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка насильственные имущественные захваты встрѣчаются сравнительно рѣдко. Изъ фактовъ такого рода можно указать только на конфискацію имуществъ польскихъ аристократовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи послѣ возстанія въ 1863 году и конфискацію среди магометанъ въ балканскихъ государствахъ послѣ русско-турецкой войны (1877—1878 гг.). Въ настоящее время крупныя состоянія пріобрѣтаются, главнымъ образомъ, путемъ спекуляціи и государственныхъ подачекъ, иначе говоря, путемъ хитрости, а не насилія...»

Итакъ, передъ способами перехода частной собственности въ руки государства это послѣднее не должно будетъ остановиться ни въ какомъ случаѣ. Перейдемъ теперь къ выясненію самаго характера производства. Всякая хозяйственная дѣятельность имѣетъ своей конечной цѣлью производство продуктовъ (предметовъ) для потребленія. Но для окончательнаго полученія этихъ продуктовъ личнаго потребленія: пищи, одежды, жилищъ и проч., необходимо произвести цѣлый рядъ продуктовъ, которые сами не потребляются, а служатъ лишь дальнѣйшимъ средствомъ для производства изъ нихъ и при помощи ихъ окончательныхъ продуктовъ, годныхъ уже прямо къ потребленію. Такими средствами и орудіями производства являются всѣ сырые матеріалы, всѣ машины, фабричныя и заводскія зданія, земли, желѣзныя дороги, пароходы и т. д. Подъ продуктами потребленія разумѣются, такимъ образомъ, всѣ тѣ предметы, которые нами потребляются непосредственно, и отъ которыхъ послѣ ихъ потребленія ничего не остается (они уничтожаются). Таковы: предметы пищи, одежды, средства отопленія, освѣщенія и др. За этой группой продуктовъ идетъ другая группа продуктовъ, потребленіе которыхъ не сопровождается полнымъ уничтоженіемъ, а лишь постепеннымъ, очень незначительнымъ и, слѣдовательно, очень долгимъ изнашиваніемъ. Ихъ Менгеръ называетъ предметами постояннаго (или очень долгаго) пользованія; къ нимъ относятся жилища, домашняя утварь, парки, сады, театры и другія мѣста развлеченія, книги, картины, украшенія и т. д. Рѣзкое различіе между этими двумя первыми группами продуктовъ провести, разумѣется, очень трудно, но отмѣтить самое различіе все же крайне важно. За этими двумя группами идетъ

третья, самая важная—это продукты, которые служатъ не для личнаго потребленія, а лишь средствомъ, матеріаломъ, надъ которымъ при помощи орудій (машинъ и проч.) люди трудятся для окончательнаго приготовленія изъ нихъ продуктовъ потребленія. Эта третья группа извѣстна подъ именемъ средствъ и орудій производства. Изъ этихъ трехъ подраздѣленій продуктовъ, благъ и такъ называемыхъ богатствъ очень легко уже вывести и понять, какія изъ этихъ группъ, благъ и богатствъ должны перейти въ руки государства и стать неотчуждаемой общественной собственностью. Въ первую голову такою общественной или государственной собственностью должны стать средства и орудія труда и производства. Въ рукахъ государства также должны находиться и предметы пользованія, но ихъ государство можетъ предоставить цѣлымъ группамъ въ ихъ пользованіе (особенно жилища и подобные имъ предметы), заботясь лишь о томъ, чтобы эти группы равномѣрно распредѣляли предоставленные имъ предметы среди всѣхъ членовъ. Продукты потребленія, пока они производятся, также считаются государственной собственностью: ихъ никто не имѣетъ права взять себѣ сейчасъ же послѣ ихъ приготовленія только потому, что они явились результатомъ его личнаго труда. Эти продукты также поступаютъ въ общественную собственность (въ государственные склады и хранилища), но лишь временно, лишь для того, чтобы сейчасъ же (или очень скоро) быть распредѣленными между всѣми членами общества (мы сейчасъ не будемъ говорить о самыхъ способахъ и началахъ, на основаніи которыхъ государство будетъ распредѣлять продукты между всѣми). И только послѣ ихъ распредѣленія, послѣ того какъ они попадаютъ въ руки отдѣльныхъ членовъ общества, продукты потребленія становятся ихъ частнымъ достояніемъ. Послѣ этого никто ужс, ни государство ни какое-либо другое лицо, не въ правѣ предъявить на продукты потребленія какія-либо притязанія. Они стали частной, личной собственностью тѣхъ, въ руки кого они попали,—и распоряжаться ими каждый въ правѣ, какъ ему угодно: истребить ихъ, подарить, изничтожить и т. д. Но и здѣсь, при сохраненіи права частной, личной собственности на предметы потребленія, это право частной собственности, по предложенію почти всѣхъ соціалистовъ, должно въ одномъ пунктѣ быть ограничено: продукты потребленія каждый можетъ дарить, уничтожить, но ни въ коемъ случаѣ не продавать другимъ.

Итакъ, средства и орудія производства остаются постоянной собственностью государства и никогда не отчуждаются, хотя бы и временно, въ руки отдѣльныхъ его членовъ. Государство, затѣмъ, организуетъ самое производство и завѣдуетъ его дѣятельностью: расчисляетъ количество и размѣры всѣхъ необходимымъ продуктовъ потребленія и пользованія, приходящихся на всѣхъ членовъ государства, и соотвѣтственно съ этимъ распредѣляетъ самый трудъ, работу между всѣми членами. Получивъ готовые продукты, государство распредѣляетъ ихъ тѣмъ или инымъ способомъ между всѣми и предоставляетъ уже послѣ этого распредѣленія продукты потребленія въ частную собственность лицъ, ихъ получившихъ, при единственномъ ограниченіи не продавать и не совершать надъ ними никакой торговой сдѣлки. Теперь посмотримъ, какія начала рекомендуютъ тѣ или иныя соціалистическія ученія, на основаніи которыхъ должны происходить и распредѣляться работы, а главное—распредѣляться между всѣми продукты потребленія. Послѣ великой французской революціи (1789 г.), государства постепенно устанавливали равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Мы уже видѣли, насколько призрачно было это кажущееся равенство, ибо другія неравенства—имущества, рожденія, образованія и вытекавшее отсюда неравенство общественнаго положенія оставались въ полной силѣ и создавали почти такія же, но замаскированныя рабскія отношенія, какія существовали въ средніе вѣка. Будущее народное рабочее государство несомнѣнно уничтожитъ то имущественное (такъ угнетавшее до того народныя массы) неравенство, которое основывалось на частной собственности. Но должно ли уничтожить будущее государство неравенство въ общественномъ положеніи, неравенство рожденія, образованія, наконецъ, неравенство, вытекающее изъ различія способностей, количества труда, которое можетъ вытекать изъ разной трудоспособности, прилежанія и т. д.? Менгеръ думаетъ, что проведеніе совершеннаго равенства во всемъ совершенно невозможно и невыполнимо. Прежде всего, по его мнѣнію, въ будущемъ народномъ рабочемъ государствѣ необходимо должно будетъ существовать неравенство между управляемыми и управляющими, т. е. тѣми, кто будетъ непосредственно завѣдывать государственными дѣлами: производствомъ благъ, ихъ распредѣленіемъ, регулированіемъ всей хозяйственной и прочей дѣятельности государства. Онъ полагаетъ даже, что въ будущемъ государствѣ эта противоположность именно

потому, что управляющіе получатъ вліяніе на всю область экономической дѣятельности и жизни страны, выростетъ и будетъ проявляться въ еще болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ современномъ государствѣ. А неравенство общественнаго положенія необходимо, какъ это, по мнѣнію Менгера, показываетъ опытъ, приведетъ къ неравенству имущественному, создастъ для людей, стоящихъ на общественной лѣстницѣ ступенью выше, привилегированное экономическое положеніе. Вторымъ источникомъ имущественнаго неравенства явится различіе въ развитіи, въ количествѣ знаній. Менгеръ, такимъ образомъ, полагаетъ, что и въ будущемъ государствѣ всѣ члены его будутъ получать неодинаковое образованіе. А разъ будетъ существовать неравенство въ образованіи, то отсюда необходимо, въ силу громаднаго значенія людей науки, образованія, движущихъ впередъ весь прогрессъ, технику, единственно умѣющихъ направлять и организовывать все производство, — также произойдетъ неравенство имущественное, привилегія образованныхъ классовъ общества. «Громадный и продолжающій непрерывно увеличиваться объемъ отдѣльныхъ наукъ, сложный аппаратъ, котораго требуетъ въ настоящее время изученіе естественныхъ, техническихъ и даже общественныхъ дисциплинъ... это заставляетъ отвергнуть планъ Бебеля (одного изъ руководителей германскаго рабочаго движенія), утверждавшаго, что можно заниматься наукой на ряду съ физическимъ трудомъ, или Прудона (французскаго соціалиста), мечтавшаго соединить научное изслѣдованіе съ практическимъ примѣненіемъ его результатовъ въ промышленности». Третій поводъ, ведущій къ имущественному неравенству, заключается въ различіи въ количествѣ и интенсивности (т. е. большей трудоспособности) работы, выполняемой отдѣльными членами общества. Трудоспособность у каждаго человѣка различна, поэтому въ одинаковое время два человѣка всегда будутъ вырабатывать неодинаковое количество продуктовъ. Если это такъ, то трудно, по мнѣнію Менгера, надѣяться, чтобы въ будущемъ обществѣ чувства братства вытѣснили эгоистическіе инстинкты настолько, чтобы люди могли не обращать вниманія на разницу въ количествѣ вырабатываемыхъ каждымъ продуктовъ и согласились бы получать одинаковыя со всѣми другими количества продуктовъ. Это было бы и несправедливо. Отсюда, по его мнѣнію, слѣдуетъ, что между работой и вознагражденіемъ дол-

жно существовать извѣстное соотношеніе (т. е. каждому должно воздаваться по его способностямъ и работѣ). Въ-четвертыхъ, Менгеръ полагаетъ, что въ силу преобладающаго вліянія и роли въ преобразованіи государственнаго строя на соціалистическихъ началахъ, которую будетъ играть городской рабочій классъ, этотъ послѣдній постарается удержать свое преобладающее вліяніе и также создастъ себѣ кое-какія привилегіи. Всѣ эти четыре причины очень скоро приведутъ будущее народное рабочее государство къ экономическому неравенству, если даже первоначально, въ моментъ героическаго одушевленія всѣ граждане и будутъ уравнены въ своемъ экономическомъ положеніи. Поэтому вполнѣ естественно, по мнѣнію Менгера, если и будущее государство оснуется на извѣстномъ неравенствѣ и создастъ однѣ группы, стоящія нѣсколько выше надъ другими, создастъ или, лучше сказать, удержитъ такъ называемую іерархію. «Такая іерархія тѣмъ болѣе необходима, что она облегчитъ фактическое разрѣшеніе двухъ важныхъ вопросовъ, которые въ современномъ обществѣ играютъ незначительную роль. Кто будетъ въ соціалистическомъ государствѣ пользоваться рѣдкими произведеніями природы? И что еще важнѣе: кто будетъ выполнять многочисленныя вредныя для здоровья и грязныя работы, которыя необходимо сохранятся даже и въ томъ случаѣ, если производство будетъ организовано согласно интересамъ народа? Фурье (французскій соціалистъ-утопистъ начала XIX вѣка) и его школа (т. е. его послѣдователи) даютъ довольно странное рѣшеніе этого вопроса: по ихъ мнѣнію, грязныя работы будутъ выполняться въ каждой соціалистической общинѣ (фаланстеръ) группами смѣлыхъ и энергичныхъ дѣтей, которыя будутъ считать эту обязанность честью для себя. Въ іерархической организаціи разрѣшеніе этихъ вопросовъ не представляетъ трудностей, особенно если положеніе отдѣльнаго гражданина на ступеняхъ общественной лѣстницы будетъ фиксировано (опредѣлено) не такъ точно, какъ при современномъ общественномъ строѣ... Но особенно Менгеръ заботится о сохраненіи іерархіи, т. е. неравенства въ общественномъ положеніи, ввиду слѣдующихъ обстоятельствъ: «Не нужно забывать, что въ народномъ рабочемъ государствѣ исчезнутъ многія иллюзіи (предразсудки, обманы), являющіяся въ настоящее время могучими импульсами (побужденіями) человѣческой дѣятельности. Если параллельно съ этимъ исчезнетъ еще возмож-

ность сравнивать свои условія жизни съ лучшими условіями другихъ людей и стремиться къ достиженію ихъ, то можно бояться, что народныя массы впадутъ въ полнѣйшій квіетизмъ (равнодушіе и бездѣятельность), и само рабочее государство выродится въ организацію откармливанія своихъ членовъ. Лучшимъ средствомъ противъ этой опасности явится іерархическая организація, которая каждому обезпечитъ возможность стремиться и достигать высшихъ ступеней общественной лѣстницы». Соотвѣтственно съ этими необходимыми неравенствами будутъ существовать, по мнѣнію Менгера, извѣстныя различія при опредѣленіи для каждаго его профессіи, характера его работы и труда. «Распредѣленіе сограждан̆ъ—говоритъ онъ (ст. 89)—между различными профессіями будетъ опредѣляться профессіей родителей, при чемъ, конечно, во вниманіе будутъ приниматься и личныя склонности даннаго человѣка. Вступленіе на высшія должности будетъ обусловливаться выдающимися духовными способностями юношескаго возраста; возвышеніе по ступенямъ профессіональной лѣстницы будетъ опредѣляться назначеніемъ (со стороны занимающихъ высшее общественное положеніе лицъ). Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія, когда демократическій духъ проникнетъ не только въ политическія, но также въ экономическія и духовныя формы жизни, будетъ играть нѣкоторую роль и жребій. Само собой разумѣется, что предполагаемыя нами формы неравенства въ народномъ рабочемъ государствѣ даже и отдаленно не будутъ напоминать ужасающей рѣзкости современной противоположности между богатствомъ и бѣдностью. Уже въ демократическихъ обществахъ настоящаго, экономическое положеніе высшихъ и низшихъ представителей власти далеко не такъ различно, какъ въ нашихъ аристократическихъ военныхъ государствахъ. Въ демократическомъ обществѣ будущаго, лишенномъ земельной и капитальной собственности, различія въ экономическомъ отношеніи будутъ достаточно сильны, чтобы вызывать соревнованіе согражданъ, но слишкомъ слабы для того, чтобы порождать въ нихъ злобу и ненависть». Такъ думаетъ о будущемъ государствѣ Менгеръ, такъ думали и нѣкоторые единичные соціалисты, какъ Сенъ-Симонъ и его послѣдователи, которые также полагали, что въ будущемъ обществѣ должно сохраниться экономическое неравенство, и трудъ каждаго долженъ вознаграждаться по его способностямъ, количеству и качеству доставляемой имъ работы, но такъ не

думали и не думаютъ большинство соціалистовъ и считаютъ всѣ опасенія, высказанныя, напримѣръ, Менгеромъ, болѣе чѣмъ не основательными, продиктованными недовѣріемъ къ народнымъ массамъ. Подавляющее большинство соціалистовъ полагаетъ, что трудъ будетъ распредѣленъ одинаково между всѣми,—и несмотря на разницу въ количествѣ вырабатываемыхъ каждымъ продуктовъ, именно потому, что эта разница ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть велика,—всѣ будутъ получать равныя количества продуктовъ, проще говоря, каждый будетъ получать по своимъ потребностямъ, которыя также не смогутъ разниться межъ собою настолько, чтобы почувствовалась несправедливость въ распредѣленіи продуктовъ по потребностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ приблизительно одинаково нужны въ годъ 2—3 пары обуви, 2—3 костюма, каждый день 1—2 фунта мяса, столько же хлѣба и проч. и проч. Необходимымъ условіемъ, при которомъ перестанутъ существовать всѣ перечисленныя Менгеромъ неравенства, является, на нашъ взглядъ, всеобщее и одинаковое для всѣхъ образованіе. Разъ всѣ будутъ получать высшее научное образованіе и затѣмъ спеціальную подготовку къ своей профессіи—всѣ станутъ одинаково, если не способными, то подготовленными къ тому, чтобы быть выбранными въ государственные дѣятели и управлять общественными дѣлами, чтобы быть выбранными въ директора и управляющіе фабриками и заводами и т. д. Очевидно также, что и выборы профессій при одинаковой высшей научной подготовкѣ будутъ совершаться свободно и, главное, не поведутъ къ различной оплатѣ труда. Вы представьте себѣ фабрику, гдѣ всѣ, какъ рабочіе, такъ и инженеры, получили одинаковое высшее спеціальное, техническое образованіе, требуемое для руководства производствомъ на данной фабрикѣ. Прежде всего ясно, что управляющіе фабрикою и всѣ завѣдующіе ея отдѣленіями, словомъ, весь штатъ ея управленія будетъ выбираться изъ среды всѣхъ ея рабочихъ, ибо всѣ—инженеры, и всѣ, предполагается,—приспособлены къ управленію. А затѣмъ не менѣе ясно, что это управленіе будетъ черезъ извѣстное время мѣняться: на другой годъ управляющіе перейдутъ въ ряды рабочихъ этой фабрики, ихъ замѣнитъ новый составъ, выбранный изъ среды рабочихъ. Словомъ, каждый разъ всѣ—при условіи равнаго образованія—будутъ поперемѣнно то управляемыми, то управляющими и даже совмѣстятъ эти два поло-

женія одновременно: будучи въ одномъ мѣстѣ управляемымъ, каждый въ другомъ мѣстѣ, въ другомъ дѣлѣ будетъ управлять другими. А при такомъ положеніи дѣлъ не будетъ никакихъ основаній для того, чтобы одни могли злоупотреблять временно полученной властью надъ другими. При одинаковомъ для всѣхъ образованіи, необходимо установится и равное общественное, какъ говорятъ, соціальное положеніе, которое исключитъ всякую необходимость и возможность іерархіи, какъ этого хочетъ Менгеръ. Вы, такимъ образомъ, видите, что стоитъ лишь ввести одинаковое для всѣхъ образованіе— и исчезнутъ всякія привилегіи образованія, общественнаго положенія, профессій и т. д. и т. д. А съ тѣмъ вмѣстѣ исчезнутъ и всѣ поводы къ установленію или поддержанію, хотя бы и самаго незначительнаго, экономическаго неравенства. Выяснивъ главные основы производства и раздѣленія продуктовъ въ будущемъ народномъ рабочемъ государствѣ, перейдемъ теперь къ основамъ будущей семьи и брака, ибо семья и бракъ являются другой, самой важной, потребностью человѣка и общества. Въ современныхъ христіанскихъ и буржуазныхъ государствахъ существуетъ полное неравенство между мужчиной и женщиной. Послѣдняя является во многихъ отношеніяхъ рабой мужчины. Прежде всего, государство принуждаетъ къ такой формѣ половой связи между мужчиной и женщиной, браку, которая сковываетъ ихъ и послѣ того, какъ утерялись обоюдныя побужденія (любовь) къ этой связи. Церковный бракъ сковываетъ людей на всю жизнь, хотя бы любовь и перестала существовать. Такое ненормальное положеніе дѣлъ порождаетъ громаднѣйшее зло. Возникаетъ ложь, обманъ и лицемѣріе; возникаютъ связи на сторонѣ, растетъ и процвѣтаетъ проституція; браки заключаются по разсчету, изъ-за денегъ. Богатая, но безобразная, больная старая дѣва покупаетъ себѣ на свои деньги молодого красавца и, наоборотъ, разслабленный, разлагающійся отъ всѣхъ болѣзней, но богатый старикъ покупаетъ жену, молодую дѣвушку,—и отсюда получаются хилыя, болѣзненныя, вырождающіяся молодыя поколѣнія. Эта насильственная связь—бракъ, все естественное дѣлаетъ неестественнымъ и перепутываетъ всѣ разумныя человѣческія отношенія. Далѣе, женщина, насильственно удерживаемая у своего мужа, становится его рабой: она знаетъ лишь свой домашній очагъ и обслуживаніе потребностей и желаній мужа. Въ силу этого женщина лишена почти всѣхъ гражданскихъ и политическихъ правъ,

какими обладаетъ мужчина. Она не можетъ заключать, помимо мужа, всякіе торговые и прочіе договоры; она не можетъ принимать участія въ выборѣ представителей отъ населенія въ разныя общественныя и государственныя учрежденія; она, тѣмъ болѣе, сама не можетъ быть избранной на какую либо общественную должность. Но сама жизнь все болѣе заставляла и заставляетъ нарушать старыя, окостенѣвшія формы семьи и брака. Прежде всего, женщина все болѣе и болѣе вынуждается бросать свой домашній очагъ и идти на самостоятельную работу, которую исполняютъ и всѣ мужчины, идти преимущественно на фабрики и заводы, въ служеніе къ богатымъ.

Женщины образованныхъ, но мало имущихъ классовъ также вынуждаются заняться работой, которую ранѣе выполняли лишь одни мужчины: онѣ становятся врачами, учителями, конторскими служащими, телеграфистами, почтовыми чиновниками и т. д. и т. д. Разъ женщина начала выполнять такую же работу, какую выполняютъ и мужчины, она тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ самостоятельное положеніе: сама прокармливаетъ себя, не завися въ этомъ отношеніи отъ мужчины, мужа; она постепенно предъявляетъ къ мужу или вообще къ мужчинамъ такія же требованія, какія эти предъявляютъ къ женщинамъ; она требуетъ равенства въ любви: любить, пока любится, и свободную возможность уйти, если любовь перестаетъ существовать, равенство въ правахъ на дѣтей, на наслѣдство, на участіе въ гражданской и общественной жизни страны. Экономическая самостоятельность женщины, съ каждымъ днемъ все увеличивающаяся въ средѣ народныхъ трудящихся массъ, необходимо ведетъ къ справедливымъ и вытекающимъ изъ этой самостоятельности требованіямъ со стороны женщинъ одинаковыхъ семейныхъ, личныхъ, гражданскихъ и политическихъ правъ съ мужчинами, ведетъ къ требованіямъ полнаго равенства и равноправія. И это требованіе свободной любви, естественно, безъ всякаго государственнаго принужденія сохраняющейся, пока сохраняется любовь, требованіе затѣмъ полнаго экономическаго, общественнаго и интеллектуальнаго (т. е. образовательнаго) равенства мужчинъ и женщинъ становится однимъ изъ главныхъ требованій всѣхъ соціалистовъ. Какъ бы ни различались взгляды этихъ соціалистовъ на самыя формы будущей связи между мужчиной и женщиной,—всѣ одинаково согласны въ томъ, что современная форма связи, бракъ, принуждающій вмѣстѣ жить, когда потерялось съ чьей либо сто-

роны побужденіе, влеченіе жить вмѣстѣ,—что эта форма насильственной связи должна совершенно исчезнуть. Въ опредѣленіи же новыхъ формъ половой связи существуютъ крайне различные, часто очень неясные, запутанные взгляды. Одни устанавливаютъ такъ называемую свободную любовь. По этому взгляду мужчина и женщина свободно сходятся и живутъ вмѣстѣ, пока они любятъ другъ друга. При утерѣ этой любви со стороны одного изъ нихъ—связь свободно прекращается. Ни мужчина ни женщина не могутъ предъявить другъ къ другу какія либо притязанія. Каждый уходитъ туда, куда влечетъ его новое чувство. Дѣти при такомъ бракѣ остаются на попеченіи у государства. Другіе считаютъ, что вполнѣ естественна будетъ одновременная связь одного мужчины съ нѣсколькими женщинами и, наоборотъ—одной женщины съ нѣсколькими мужчинами. Такая связь будетъ напоминать многобрачіе (многомужество и многоженство), которое, напримѣръ, существуетъ и теперь у магометанъ. Наконецъ, нѣкоторые полагаютъ, что установится групповой или смѣшанный бракъ, при которомъ каждый мужчина сможетъ предъявить свои права на обладаніе ко всѣмъ женщинамъ данной общины, союза и даже государства и, наоборотъ, каждая женщина сможетъ предъявить такія же права ко всѣмъ мужчинамъ. Здѣсь подъ этимъ правомъ, конечно, вовсе не разумѣется принудительное согласіе со стороны женщины или мужчины на вступленіе въ связь со всѣми остальными. Предполагается только допустимость и естественность такой связи. Здѣсь также дѣти повидимому должны перейти на попеченіе государства, которое возьметъ на себя все ихъ содержаніе, воспитаніе и образованіе. Труднѣе уяснить себѣ при такомъ смѣшанномъ бракѣ отношенія отцовъ и матерей къ своимъ дѣтямъ, но и въ этомъ отношеніи многіе полагаютъ, что установятся совсѣмъ другія формы связи родителей съ дѣтьми *). Далѣе, нечего, конечно, говорить о томъ, что женщины будутъ получать одинаковое и совмѣстное съ мужчинами воспитаніе и образованіе; затѣмъ, онѣ наравнѣ съ мужчинами будутъ участвовать въ производствѣ благъ и

---

*) Формы свободной любви и группового смѣшаннаго брака не должны страшить уже потому, что эти формы существовали уже въ древности и существують въ нѣкоторыхъ, даже христіанскихъ сектахъ и теперь. Такою сектою, практиковавшей (но недавно отмѣненный) групповой бракъ, является секта мормоновъ и нѣкоторыя другія американскія общины.

управленіи общественными дѣлами... Менгеръ же полагаетъ, что и человѣчество въ будущемъ, по всей вѣроятности, отвергнетъ какъ свободную любовь, такъ и групповой бракъ, и останется при современной формѣ брака, которая отдѣлается отъ принужденія и нерасторжимости, устанавливаемой католицизмомъ и православіемъ, и перейдетъ къ протестантскому характеру брака, который допускаетъ его расторженіе при извѣстныхъ условіяхъ. Менгеръ опасается, что «при свободной любви установится нежелательная половая конкурренція, при которой власть, благосостояніе, образованіе, краснорѣчіе, физическая красота и сила обезпечатъ счастливцамъ такой перевѣсъ, что побѣжденные, если не юридически (т. е. по закону), то фактически въ большей или меньшей степени будутъ лишены половыхъ наслажденій. Далѣе, свободная любовь очень скоро усилитъ до необычайныхъ размѣровъ половую жизнь, которая необходима для духовнаго и физическаго благосостоянія человѣка только въ очень узкихъ предѣлахъ. Необычайно большой выборъ въ связи съ сознаніемъ полной безотвѣтственности неизбѣжно усилитъ этотъ могущественнѣйшій изъ всѣхъ природныхъ инстинктовъ далеко за современные предѣлы его. И если народное рабочее государство не имѣетъ никакихъ основаній бороться противъ полового чувства, какъ таковаго, то, съ другой стороны, оно не можетъ освободить его проявленій отъ всякихъ рамокъ и придать такимъ путемъ всей общественной жизни своихъ членовъ грубо-чувственный характеръ». Далѣе, при опредѣленіи характера отношеній родителей къ дѣтямъ, Менгеръ полагаетъ, что «будущее государство не уничтожитъ вполнѣ частной заботы родителей о своихъ дѣтяхъ. Пока ребенокъ будетъ кормиться грудью, онъ, разумѣется, останется при матери: государство должно дать возможность родителямъ, если они этого захотятъ или будутъ къ этому вынуждены самимъ характеромъ и родомъ работы,—воспитать дѣтей въ общественныхъ учрежденіяхъ, о которыхъ должно заботиться само государство. Но ни въ коемъ случаѣ нежелательно снять совсѣмъ съ родителей заботу объ ихъ дѣтяхъ. Издержки на воспитаніе и образованіе должны оплачиваться не государствомъ, а самими родителями, и тогда создастся необходимая задержка въ чрезмѣрномъ размноженіи. А это чрезмѣрное размноженіе опасно для общества потому, что при такомъ положеніи вещей очень скоро количества благъ, продуктовъ, словомъ, средствъ существованія, перестанетъ хватать на

все населеніе». Онъ считаетъ вѣрнымъ знаменитое ученіе англійскаго буржуазнаго ученаго Мальтуса (начала XIX вѣка), который утверждалъ, что населеніе растетъ быстрѣе, чѣмъ средства производства,—и поэтому бѣдные классы должны воздержаться отъ половой жизни, браковъ, чтобы хоть немного уменьшить свою нищету, и что самая нищета создалась отъ чрезмѣрнаго размноженія бѣдныхъ классовъ, а вовсе не отъ эксплуатаціи со стороны богатыхъ классовъ населенія. Далѣе, Менгеръ заботится объ уголовныхъ карахъ при незаконномъ внѣбрачномъ сожительствѣ или при изнасилованіи женщины и полагаетъ, что насильника необходимо заставить стать мужемъ изнасилованной имъ женщины или, по крайней мѣрѣ, заставить признавать и воспитывать рожденныхъ имъ дѣтей и т. д., въ томъ же духѣ. Но мы не будемъ дольше останавливаться на всѣхъ этихъ предложеніяхъ, свидѣтельствующихъ лишь о томъ, что Менгеру во многомъ еще трудно отдѣлаться отъ старыхъ, буржуазныхъ взглядовъ на семью и бракъ. Мы обойдемъ и многіе другіе вопросы отношеній между родителями и дѣтьми, которыя вытекаютъ изъ этихъ или иныхъ формъ семьи и брака. Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о самой формѣ государственной власти и, наконецъ, о формахъ группъ, общинъ и союзовъ, на которые несомнѣнно будетъ раздѣляться народное рабочее государство.

До сихъ поръ мы разбирали дѣятельность будущаго народнаго рабочаго государства. Теперь необходимо хоть вкратцѣ коснуться вопроса: какъ должна быть организована сама государственная власть, чтобы успѣшно выполнять все производство, распредѣленіе и удовлетвореніе всѣмъ нуждамъ народа? Въ современныхъ государствахъ почти всюду высшая власть, находившаяся ранѣе въ рукахъ ничѣмъ не ограниченныхъ абсолютистскихъ монарховъ, перешла въ руки господствующихъ и богатыхъ классовъ и приняла форму «народнаго правленія». Народнаго, конечно, только по имени. Ибо, если по закону и считается, что высшая государственная власть составляется изъ выборныхъ представителей отъ всего народа, то на дѣлѣ почти всюду правомъ выбирать этихъ представителей пользуются, благодаря тысячамъ видимыхъ и невидимыхъ ограниченій избирательнаго права, лишь немногочисленные имущіе и образованные слои населенія. И у власти становятся, такимъ образомъ, отдѣльные классы, а не весь народъ. Въ современныхъ государствахъ всѣми дѣлами государства заправляетъ прямо

или косвенно средняя и крупная буржуазія, а кое гдѣ и дворянство. Но такъ или иначе, хотя бы по формѣ, по буквѣ закона, государственная власть находится теперь не въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ (королей, монарховъ), а въ рукахъ народа. И власть эта называется почти всюду конституціонной, т.-е. установленной волей народа. Выборные представители отъ народа собираются въ такъ называемый парламентъ, который и издаетъ всѣ законы, выбираетъ министровъ, руководитъ ими, опредѣляетъ размѣры ихъ дѣятельности (ассигнуя имъ необходимыя средства и т. д.). Этотъ парламентъ не вездѣ имѣетъ одинаковыя права и власть. Въ однихъ государствахъ министры дѣйствительно избираются самимъ парламентомъ, въ другихъ министры отъ парламента независимы и назначаются еще существующей тамъ королевской или императорской властью. Но такъ или иначе, высшая государственная власть все же подчинена и во многомъ зависитъ отъ парламента. Самъ парламентъ въ большей части конституціонныхъ государствъ дѣлится на двѣ такъ называемыя палаты. Изъ нихъ одна обыкновенно составляется изъ представителей, выбранныхъ болѣе широкими народными кругами, другая изъ представителей, избираемыхъ лишь незначительной, самой богатой частью населенія, или составляется изъ знатныхъ и богатыхъ лицъ, назначаемыхъ королевской или императорской властью. Вторая палата обыкновенно создается или создана для того, чтобы «умѣрять» пылъ и слишкомъ быстрыя рѣшительныя постановленія первой, нижней палаты, гдѣ засѣдаетъ якобы народъ, а народъ, какъ извѣстно, любитъ спѣшить, увлекаться и ошибаться... На самомъ же дѣлѣ, вторая палата господъ создана лишь для задержки въ развитіи народной жизни, лишь существуетъ, какъ тормазъ ея, и, главнымъ образомъ, для защиты привилегій и богатства имущихъ классовъ, противъ которыхъ народъ слишкомъ часто проявляетъ свое недовольство и на неприкосновенность которыхъ народъ имѣетъ склонность покушаться...

Въ будущемъ рабочемъ государствѣ, гдѣ интересы всего народа будутъ дѣйствительной, а не только показной, обманной цѣлью государства, высшая государственная власть должна соотвѣтственнымъ образомъ выражать волю всего народа и выбираться всѣмъ народомъ безъ исключенія. Такимъ образомъ, эта народная власть будетъ дѣйствительно демократична съ начала до конца. Эта власть, очевидно, будетъ выбираться на основаніи всеобщаго (включая, конечно, и женщинъ), пря-

мого, равнаго и тайнаго избирательнаго права; эта власть не должна будетъ дѣлиться на двѣ палаты, ибо не для чего будетъ одной палатѣ сдерживать другую, такъ какъ не будетъ существовать неравенства интересовъ разныхъ слоевъ населенія. Менгеръ и здѣсь думаетъ иначе... Онъ полагаетъ, что «и въ будущемъ народномъ рабочемъ государствѣ должны сохраниться двѣ палаты», и для защиты этой системы выдвигаетъ старые, избитые доводы. Демократія, также, по его мнѣнію, опрометчива, какъ и монархія, ибо... «массы только съ трудомъ могутъ разсуждать и всегда очень легко впадаютъ въ крайности... Поэтому было бы цѣлесообразнѣе предоставить законодательную работу двумъ палатамъ: выборной, которая явится выразительницей демократическихъ теченій, и аристократической палатѣ, которая будетъ, конечно, составляться не изъ бездѣльниковъ, а изъ дѣйствительно лучшихъ членовъ государства...» Но оставимъ Менгера съ его аристократіей въ сторонѣ... Далѣе, намъ представляется, что въ рукахъ будущаго народнаго парламента будетъ лишь высшее руководство, распоряженіе и, главное, распредѣленіе средствъ и орудій производства по группамъ, общинамъ и союзамъ. А затѣмъ уже вся дѣятельность этихъ группъ, общинъ и союзовъ будетъ подробнѣе распредѣляться выборными изъ ихъ же среды, наподобіе, скажемъ, земствъ и городовъ, съ тѣмъ, конечно, великимъ различіемъ, что представители земствъ и городовъ будутъ также выбираться на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, и что земства и города возьмутъ въ свои руки все производство, всю экономическую дѣятельность своего района. Всюду, такимъ образомъ, будетъ осуществлена выборная власть и самоуправленіе. Далѣе, можно представить себѣ, что основной частью и единицей государства будетъ не отдѣльный человѣкъ, а цѣлыя группы, общины и проч., и каждый, такимъ образомъ, обязательно будетъ числиться членомъ той или иной группы или общины. Этимъ общинамъ высшая государственная власть отведетъ опредѣленное количество средствъ и орудій производства, до нѣкоторой степени опредѣлитъ и самый характеръ производства (заниматься ли, скажемъ, земледѣліемъ, или фабричной, или горнопромышленной дѣятельностью: смотря по мѣстонахожденію общины). Общины достигнутъ, вѣроятно, такихъ размѣровъ, при которыхъ возможно будетъ, собственными силами, т. е. своимъ населеніемъ и предоставленными въ руки общины

средствами и орудіями производства, произвести почти всѣ необходимыя для жизни предметы потребленія. Эти общины по возможности будутъ, какъ принято говорить, самоудовлетворяться, т. е. сами, своими трудами удовлетворять почти всѣмъ своимъ нуждамъ и потребностямъ.

Самая организація общинъ, ихъ отношенія къ болѣе крупнымъ общинамъ (скажемъ, земствамъ, городамъ и проч.) настолько сложные вопросы, здѣсь такъ много непредвидѣннаго, и потому непредрѣшимаго, что лучше ихъ оставить въ сторонѣ. Прибавимъ только, что государство будущаго по самому характеру своей организаціи, своихъ цѣлей является полной противоположностью по отношенію къ государству насилія и принужденія. Поэтому само собой понятно, что общины, союзы и прочія организаціи будутъ составлять частицу государства не по принужденію, а совершенно добровольно. Каждая такая группа сможетъ, если ей это заблагоразсудится, (разумѣется по рѣшенію всѣхъ или подавляющаго большинства ея членовъ) выдѣлиться изъ даннаго государства, присоединиться къ другому и, наконецъ, образовать самостоятельное государство. Такимъ же правомъ выхода изъ общины будетъ, очевидно, пользоваться и каждый членъ ея. Такъ что картина будущаго представляется въ видѣ цѣлой сѣти самостоятельныхъ, болѣе или менѣе крупныхъ общинъ, добровольно связанныхъ въ большіе союзы (это и будутъ государства) для осуществленія такихъ хозяйственныхъ цѣлей, которыя не по силамъ отдѣльнымъ общинамъ: какъ пути сообщенія, телеграфы, почта и многое другое... На этомъ мы принуждены закончить, хотя незатронутыми остались еще очень многіе важные вопросы религіи, искусства, науки, правилъ общежитія и проч.

Послѣсловіе

(о книгѣ Менгера «Новое ученіе о государствѣ»).

Вначалѣ мы уже упомянули, что путеводной нитью въ изложеніи намъ служила книга европейскаго ученаго Антона Менгера, озаглавленная подъ именемъ: «Новое ученіе о государствѣ». Это ученіе о государствѣ настоящаго и будущаго, которое мы изложили въ нашей книжкѣ, и котораго придерживается въ своей книгѣ Менгеръ, вовсе уже не ново: его проповѣдывали всѣ соціалисты, его научно обосновывали Марксъ, Энгельсъ и Лассаль,—и ученія этихъ послѣднихъ о

государствѣ прошлаго, настоящаго и будущаго давно уже стали достояніемъ многихъ круговъ изъ рабочихъ массъ (которымъ это ученіе по сердцу ближе, чѣмъ всѣмъ остальнымъ слоямъ и классамъ населенія). Этого ученія придерживаются и всѣ искренніе друзья и защитники интересовъ неимущихъ массъ. Но вотъ для Менгера, ученаго изъ буржуазной, зажиточной среды, это ученіе ново... И это дѣйствительно такъ... Вѣдь до сихъ поръ интересы и стремленія неимущихъ массъ не находятъ себѣ признанія въ средѣ господствующихъ и имущихъ классовъ. Эти стремленія въ средѣ господствующихъ классовъ всегда принимали и до сихъ поръ принимаютъ видъ несбыточныхъ мечтаній, химеръ, вздоровъ, имѣющихъ лишь цѣлью разрушить всякій порядокъ, божескія и человѣчесскія установленія. Взглядъ неимущихъ классовъ и ихъ защитниковъ, соціалистовъ, на современный строй, какъ на порядокъ, лишь для того и созданный, чтобы защищать только интересы имущихъ классовъ и способствовать эксплуатаціи, угнетенію народныхъ трудящихся массъ, такой взглядъ, конечно, имущими классами, которымъ этотъ строй такъ на руку, такъ выгоденъ, считался опаснымъ, бунтовщическимъ. Противъ такого взгляда и всѣхъ вытекающихъ изъ него стремленій—къ новому строю, который удовлетворялъ бы интересы всѣхъ (а для этого онъ необходимо долженъ былъ бы уничтожить—о ужасъ!—частную собственность!),—противъ такого взгляда и такихъ стремленій богатые и властвующіе классы считали и считаютъ нужнымъ бороться всѣми силами, не останавливаясь передъ грубой полицейской и военной силой. Но вотъ буржуазный ученый, выросшій въ средѣ богатыхъ, такъ тѣсно связанный съ господствующими и властвующими группами, вдругъ приходитъ къ убѣжденію, что современный строй дѣйствительно несправедливъ, дѣйствительно основанъ на насиліи и держится лишь насиліемъ, что, наоборотъ, лишь истинны и справедливы стремленія неимущихъ классовъ и ихъ защитниковъ, соціалистовъ, что будущій строй, будущее народное рабочее государство, вовсе не химера, вздоръ, несбыточное мечтаніе, а онъ, этотъ новый строй, необходимо долженъ наступить, что къ нему ведетъ сама жизнь. Такой взглядъ на государство прошлаго и будущаго, если онъ возникъ въ головѣ человѣка изъ буржуазной среды, дѣйствительно для этого человѣка новъ и еще болѣе новъ для всей среды, въ которой жилъ и живетъ свой человѣкъ съ «новыми» взглядами...

И въ этомъ смыслѣ книга Менгера дѣйствительно говоритъ о новомъ или, вѣрнѣе сказать, говоритъ о старомъ и довольно таки извѣстномъ неимущимъ, наиболѣе сознательнымъ классамъ, но по-новому! Для неимущихъ классовъ книга Менгера въ высшей степени цѣнна, какъ одно изъ первыхъ признаній людей буржуазнаго круга, что всѣ стремленія неимущихъ, всѣ ихъ мечты о будущемъ—въ высшей степени справедливыя мечты, что они непремѣнно сбудутся, и что массы могутъ увѣренно идти къ новымъ порядкамъ, къ новому строю, ибо на ихъ сторонѣ сама жизнь, сама истина и сама справедливость. Нѣтъ нужды, что Менгеръ въ своей книгѣ очень часто сбивается на старые взгляды, на многое изъ будущаго озирается слишкомъ боязливо, недовѣрчиво и осторожно... Все же въ общемъ и цѣломъ онъ вполнѣ на сторонѣ защитниковъ новыхъ порядковъ. А посмотрите, какъ онъ подробно останавливается и расписываетъ эти новые порядки!.. А вѣдь какъ часто имущіе классы, въ лицѣ тоже своихъ «защитниковъ»—ученыхъ, смѣялись надъ ученіями соціалистовъ, когда эти послѣдніе пытались набросать картину будущаго порядка: ихъ называли сумасбродами, вредными мечтателями, создающими химеры! А вотъ теперь человѣкъ изъ среды имущихъ же и «ученыхъ» классовъ, кромѣ того, что признаетъ необходимымъ новый строй, но и не менѣе подробно, чѣмъ всѣ соціалисты—«мечтатели», занимается опредѣленіемъ основъ этого будущаго строя и описаніемъ формъ и всѣхъ порядковъ будущаго народнаго рабочаго государства! Остается ли послѣ этого мѣсто для насмѣшекъ и преслѣдованій соціалистическихъ стремленій?

Не должно бы!.. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ признаніи со стороны отдѣльныхъ лицъ изъ буржуазныхъ и ученыхъ слоевъ въ справедливости стремленій трудящихся массъ, а также неизбѣжности и необходимости наступленія соціалистическаго новаго строя—трудящіяся массы найдутъ лишнюю силу для собственной вѣры въ правоту и справедливость своихъ стремленій.

КАТАЛОГЪ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
Е. Д. Мягкова „КОЛОКОЛЪ“.

С.-Петербургъ, Стремянная, домъ № 7, кв. 3.

Адресъ для телеграммъ: **ПЕТЕРБУРГЪ—БИБЛІОТЕКА.**

Книгопродавцамъ обычная скидка.

К. Каутскій. Эрфуртская программа. Съ 3-мя предисловіями автора. Съ приложеніемъ Программы Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи. Второе изданіе, ц. 20 к.

Каутскій. Общественныя реформы. (Соціальная реформа и соціальная революція. На другой день послѣ соціальной революціи). Приложеніе 1. Изъ предисловія Каутскаго въ книгѣ Атлантикуса: «Взглядъ на государство будущаго». Приложеніе 2. Изъ книги Каутскаго «Аграрный вопросъ»: Соціальная революція и экспропріація землевладѣльцевъ: а) соціализмъ и мелкое хозяйство; б) будущность собственнаго жилища. Переводъ Санина подъ редакціей Н. Ленина. ц. 20 к.

В. Либкнехтъ. Отъ обороны къ нападенію. Рѣчь, произнесенная по случаю годовщины основанія народнаго союза въ Кримитшау 22 октября 1871 г. Переводъ подъ редакціей В. А. Поссе, ц. 10 к.

Лассаль. Гласный отвѣтъ Центральному комитету, учрежденному для созванія общаго Германскаго Конгресса въ Лейпцигѣ, ц. 5 к.

Ж. Гэдъ. Коллективизмъ. Переводъ съ франц. подъ ред. В. А. Поссе, ц. 3 к.

Боркгаймъ. Чартистское движеніе въ Англіи. Съ двумя приложеніями а) Рѣчь І. Р. Стефенса, произнесенная 10 февраля въ 1839 году въ Стелибридже; б) Резолюціи чартистской конференціи въ апрѣлѣ 1851 г. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей приватъ-доцента Н. А. Рожкова, ц. 20 к.

Изъ исторіи соціалъ-демократіи въ Германіи. Составлено по книгѣ Ресселя «Германская соціалъ-демократія» подъ редакціей Н. А. Рожкова. ц. 10 к.

А. Бебель. Женщина и соціализмъ. Полный переводъ съ 34-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей В. А. Поссе, ц. 70 к.

А. Бебель. Будущее общество. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. А. Поссе, ц. 10 к.

М-т-ш-а. О всеобщемъ избирательномъ правѣ, подъ редакц. приватъ-доцента Н. А. Рожкова, ц. 3 к.

К. Марксъ и Энгельсъ. Капитализмъ и коммунизмъ. (Коммунистическій манифестъ), ц. 3 к.

Менгеръ. Право на полный продуктъ труда. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ приватъ-доцента Н. А. Рожкова, ц. 30 к.

Ф. Лассаль. Принципы труда въ современномъ обществѣ. (Программа работниковъ) пер. съ нѣмецкаго, ц. 5 к.

А. Бебель. Академики и соціализмъ. Рѣчь, произнесенная на студенческомъ собраніи въ Берлинѣ 17 декабря 1897 года, поправлена и дополнена авторомъ, пер. съ нѣмецкаго, ц. 5 к.

К. Каутскій. Классовые интересы. Переводъ съ нѣмецк. подъ редакціей В. А. Поссе, ц. 5 к.

Либерализмъ и демократизмъ, ц. 5 к.

Мих. Ник. Коваленскій. Изъ исторіи государственной власти въ Россіи, ц. 25 к.

К. Марксъ. 18-ое Брюмера Луи Бонапарта. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей приватъ-доцента Н. А. Рожкова, ц. 20 к.

К. Каутскій. Республика и соціалъ-демократія во Франціи. Выпускъ I, Пер. Ольгина, ц. 7 к.

В. Браке Долой соціалъ-демократовъ! Пер. съ нѣмецк. Э. Берштейнъ, подъ ред. приватъ-доцента Н. А. Рожкова, ц. 5 к.

Исторія «Заговора равныхъ». (Заговоръ Бабефа). Изложено по Девиллю. Л. Жбанковымъ подъ редакціей прив.-доцента Н. А. Рожкова, ц. 15 к.

А. В. Городское самоуправленіе въ Россіи, ц. 10 к.

Н. Чумаковъ. О народномъ самоуправленіи въ Новой Зеландіи, ц. 5 к.

Робертъ Швейхель. «За свободу». Романъ изъ эпохи крестьянскихъ войнъ. Перев. О. А. Аносовой, 456 стр., ц. 50 к.

Петръ Масловъ. Критика аграрныхъ программъ. Съ приложеніемъ проекта аграрной программы Р. С.-Д. Р. П., ц. 10 к.

А. Бебель. Профессіональное движеніе и политическія партіи, ц. 5 к.

Д. Курскій. Американскій рабочій, ц. 4 к.

Артемъ К—въ. Какъ рабочимъ союзы устраивать, ц. 5 к.

Наумовъ. Къ аграрному вопросу въ Россіи, ц. 10 к.

Густавъ Экштейнъ. Рабочее движеніе въ современной Японіи. Переводъ съ нѣм. И. Бронштейна и С. Семковскаго, ц. 8 к.

Кирикъ Левинъ. Первый борецъ за свободу. (Радищевъ), ц. 10 к.

Рабочая библіотека. Составили: Н. Рыковскій, А. Шрагъ и В. Яковлева. ц. 5 к.

N. N. О пролетарской этикѣ. (Пролетарское творчество съ точки зрѣнія реалистической философіи). Съ предисловіемъ и подъ редакціей приватъ-доцента Н. А. Рожкова, ц. 15 к.

Этьенъ Бюйссонъ. Всеобщая стачка. Перев. съ франц. Сергѣя Волкенштейна, ц. 15 к.

К. Каутскій. Потребительныя общества и рабочее движеніе. Переводъ съ нѣмецкаго В. Л. Шанцера, ц. 10 к.

Герцъ (Геризау). Условія труда въ Швейцаріи. Перев. съ нѣм. Плавтова, ц. 5 к.

Шиппель. Профессіональные союзы. Переводъ съ нѣм. съ предисловіемъ Д. Кольцова, ц. 10 к.

Н. Чумаковъ. О налогахъ. Подъ редакціей прив.-доцента Н. А. Рожкова, ц. 5 к.

И. Полонскій. Мѣстное управленіе въ Англіи. Подъ редакціей приватъ-доцента Н. А. Рожкова, ц. 15 к.

Вандервельдъ. Программа Бельгійской рабочей партіи, ц. 3 к.

Андрей Нѣмоевскій. Разсказы изъ рабочей жизни. Переводъ и предисловіе Алексинскаго, ц. 10 к.

Лиссагарэ. Исторія коммуны 1871 года, съ предисловіемъ Мендельсона Перевод подъ редакціей приватъ-доцента, Н. А. Рожкова, ц. 80 к.

Гере. Три мѣсяца рабочимъ на фабрикѣ. Перев. съ нѣм., съ предисловіемъ Антонова, ц. 40 к.
Л. Декаевъ Фленго. Майскія воспоминанія 1871 г., ц. 3 к.
Пролетарій. Соціализмъ «соціалистовъ-революціонеровъ», ц. 10 к.
Кампфмейеръ. Соціалъ-демократія при свѣтѣ культуры, ц. 20 к.
Каутскій и Шенланкъ. Программа Германской соціалъ-демократіи. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. О. А. Аносовой, ц. 20 к.
Стефенсъ. Аграрный соціализмъ въ Бельгіи. Предисловіе и переводъ М. Сильвина, ц. 20 к.
Таганскій. Демократическая республика, ц. 5 к.
Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Переводъ Гершензона, ц. 20 к.
К. Марксъ. Классовая борьба во Франціи. Перев. подъ ред. В. Л. Шанцера, ц. 20 к.
Э. Марксъ. Классовое рабочее движеніе въ Англіи. Пер. М. Переса, ц. 10 к.
Минаевъ. 8-часовой рабочій день. Подъ ред. привать-доцента Н. А. Рожкова, ц. 10 к.
Лафаргъ. Капиталъ и трудъ. Популярное изложеніе К. Маркса. Перев. Козеренко, подъ ред. Антонова, ц. 25 к.
В. Жанель. Фабричная медицина и бюрократія, ц. 8 к.
О. Мирбо. Дурные пастыри. Пер. Селюкъ, ц. 10 к.
Шахназарьянцъ. Крестьянское движеніе и соціалъ-демократія въ Грузіи, ц. 30 к.
В. Либкнехтъ. Изъ исторіи Германіи XIX вѣка. Перев. съ нѣм. подъ редакціей Степанова, ц. 25 к.
Анри Мишель. Задачи французской демократіи, ц. 10 к.
Давильковскій. Вольная земля и наше земледѣліе.
Папъ. Организація общественныхъ учрежденій въ будущемъ о—вѣ ц. 15 к.
Росси. Движеніе въ Сициліи, ц. 25 к.
Объ анархизмѣ. пер. Пересае, ц. 15 к.
Бертранъ. Право на жизнь, ц. 10 к.
Блюмъ. Какая свобода нужна рабочему классу, ц. 10 к.
Станиславъ (А. Вольскій). Къ вопросу о національзаціи земли ц. 25 к.
Батыревъ. Что такое бюрократія, ц. 4 к.
Каутскій. Бернштейнъ и соціальдемократическая программа. Полный переводъ съ нѣмецкаго. Подъ редакціей М. Г. Лунца, ц. 50 к.

Печатается и скоро поступятъ въ продажу:

Каутскій. Соціализмъ и сельское хозяйство. Переводъ И. Наумова.
Куттеръ. «Они должны!» Переводъ съ нѣм. М. К. Покровской.
Штернъ. Историческій матеріализмъ.
Залкиндъ. Исторія русской фабрики.
Верхолетовъ. Рабочій въ Германіи.
Либкнехтъ. Знаніе—сила и сила—знаніе.
Анатоль Франсъ. Разсказъ изъ жизни рабочихъ. Переводъ подъ ред. В. М. Фриче.

Лангманъ. Разсказы изъ жизни рабочихъ. Переводъ. под. ред. В. М. Фриче.

Марксъ. Передъ судомъ кельнскихъ присяжныхъ.

Каутскій. Американскій рабочій.

Лафаргъ. Причины вѣры въ Бога.

Лассаль. Косвенные налоги

Саймонсъ. Американскій фермеръ. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію, перев. Рубинова.

Курскій. Англійскій рабочій.

Каутскій. Соціальдемократія и католич. церковь.

Каутскій. Интеллигенція и соціальдемократія.

Додель. Моисей или Дарвинъ.

Эненбогенъ. Чего хотятъ соціальдемократы. Семь лекцій.

Зомбартъ. Віографія Энгельса.

Левинъ. Декабристы. (Исторія вооруженнаго возстанія 14 Декабря 1825 г.).

Орловъ. Новое ученіе о государствѣ.

Торгашевъ. Рабочіе секретаріаты.

Кампфмейеръ. Измѣненія въ теоріи и практикѣ соціальдемократіи. переводъ Шутякова.

Торгашевъ. Профессіональное движеніе во Франціи.

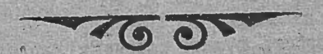
Дивильковскій. Нынѣшнее крѣпостное право.

Вороздинъ. Очерки соціальнаго движенія во Франціи.

Сборникъ статей: Верга, Марселя, Райха, Вольтера, Вандервельде и Детре. Искусство въ буржуазномъ обществѣ.

Вандервельде и Дестре. Соціализмъ въ Бельгіи.

Безродный. Изъ жизни ткачей въ 90-хъ годахъ.

К. Марксъ. 18-ое Брюмера Луи Бонапарта. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей приватъ-доцента Н. А. Рожкова, ц. 20 к.

К. Каутскій. Республика и соціалъ-демократія во Франціи. Выпускъ I, Пер. Ольгина, ц. 7 к.

В. Браже. Долой соціальдемократовъ! Пер. съ нѣмецк. Э. Берштейнъ подъ ред. приватъ-доцента Н. А. Рожкова, ц. 5 к.

Исторія «Заговора равныхъ». (Заговоръ Бабефа). Изложено по Девиллю. Л. Жбанковымъ подъ редакціей прив.-доцента Н. А. Рожкова, ц. 15 к.

А. Б. Городское самоуправленіе въ Россіи, ц. 10 к.

Н. Чумаковъ. О народномъ самоуправленіи въ Новой Зеландіи, ц. 5. к.

Робертъ Швейхель. «За свободу». Романъ изъ эпохи крестьянскихъ войнъ. Перев. О. А. Аносовой, 456 стр., ц. 50 к.

Петръ Масловъ. Критика аграрныхъ программъ. Съ приложеніемъ проекта аграрной программы Р. С.-Д. Р. П., ц. 10 к.

А. Бебель. Профессіональное д иженіе и политич. партіи, ц. 5 к.

Д. Курскій. Американскій рабочій, ц. 4 к.

Артем. Ж—въ. Какъ рабочимъ союзы устраивать, ц. 5 к.

Наумовъ. Къ аграрному вопросу, въ Россіи, ц. 10 к.

Г. Экштейнъ. Рабочее движеніе въ Японіи, ц. 8 к.

Кирикъ Левинъ. Первый борецъ за свободу (Радищевъ), ц. 10 к.

Рабочая библіотека. (Указатель), ц. 5 к.

N. N. О пролетарской этикѣ съ предисловіемъ Н. А. Рожкова ц. 15 к.

Э. Бюиссонъ. Всеобщая стачка, ц. 15 к.

Каутскій. Потребительныя общества и рабочее движеніе, ц. 10 к.

Гердъ (Гаризау). Условія труда въ Швейцаріи. Перев. съ нѣм. Плавтова, ц. 5 к.

Шиппель. Профессіональные союзы, съ предислов. Кольцова, ц. 10 к.

Чумаковъ. О налогахъ, ц. 5 к.

Полонскій. Мѣстное самоуправленіе въ Англіи. Подъ ред. Н. А. Рожкова, ц. 15 к.

Вандервельдъ. Программа Бельгійской рабочей партіи, ц. 3 к.

А. Нѣмоевскій. Разсказы изъ жизни рабочихъ. Переводъ и предисловіе Алексинскаго, ц. 10 к.

Лиссагарэ. Исторія коммуны 1871 года, съ предисловіемъ Мендельсона. Полный переводъ съ франц. подъ ред. прив.-доцента Н. А. Рожкова ц. 80 к.

Гере. Три мѣсяца рабочимъ на фабрикѣ, съ предисловіемъ Антонова, ц. 40 к.

Л. Декаевъ. Фленго. Майскія воспоминанія 1871 г., ц. 3 к.

А. Луначарскій. Этюды критическіе и полемическіе: 410 стр., ц. 1 р. 25 к.

Пролетарій. Соціализмъ «соціалистовъ-революціонеровъ», ц. 10 к.

Кампфмейеръ. Соціалъ-демократія при свѣтѣ культуры, ц. 20 к.

Каутскій и Шенланкъ. Основныя положенія и требованія герм. соціаль-демократіи. Переводъ подъ ред. Аносовой, ц. 20 к.

Стефенсъ. Аграрный соціализмъ въ Бельгіи. Переводъ и предисловіе М. Сильвина, ц. 20 к.

Таганскій. Демократическая республика и Новая Зеландія, ц. 5 к.

Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Переводъ Гершензона, ц. 20 к.

К. Марксъ. Классовая борьба во Франціи, ц. 20 к.